Без особого преувеличения можно сказать, что в Сибири, куда ни копнись — найдешь золото. Вопрос заключается только в формах и способах его добычи.

До самого последнего времени золото в Сибири добывалось хищнически, во всяком случае — экстенсивными способами.

„Богатство содержания золотоносных песков должно было окупать техническое невежество" (Тульчинский*). При всем том, Сибирь дала 3/4 всего добытого в России золота и была таким образом одним из главнейших поставщиков его на мировой рынок наравне с Америкой, Австралией и Южной Африкой.

Золото в Сибири впервые было добыто на рудниках А. Демидова на Алтае еще в XVIII веке, но организованной добычи его не было до 1827 года, когда последовало официальное разрешение частным лицам заниматься золотым промыслом в Сибири. В 30-х годах прошлого столетия верхотурским купцом А. Поповым была организована разработка золотосодержащих песков в Мариинском уезде Томской губернии. Разработка эта дала ему колоссальные доходы, и пример Попова вызвал настоящую „золотую лихорадку".

Ряд частных предпринимателей и отдельные „старатели" кинулись в поиски золота и счастья на разработку приисков на Алтае, в Томской и Енисейской губернии. В отдельных районах быстро организовывались прииска, закипела шумная жизнь; когда золото истощалось, переходили на другие прииска. Быстро наживались огромные состояния и столь же быстро прогорали опьяненные золотым туманом искатели счастья. Приисковая Сибирь, как две капли воды, повторяла картины, столь художественно нарисованные Брет-Гартом для Калифорнии и Джеком Лондоном для Аляски.

В 40-х годах особенно гремел Енисейский уезд. В 1848 году на золотых приисках здесь работало 12 тыс. рабочих и было добыто 98% всего золота, добытого за этот год по России. Еще в 60-х – 70-х годах енисейская золотопромышленность продолжала греметь. Но дальше и она, и золотопромышленность Мариинской тайги начали падать. К 70-м годам относится начало разработок золотых приисков в Ленско-Витимском районе.

В начале XX века с проведением Сибирской железной дороги облегчается возможность доставки провианта, рабочих, машин; золотопромышленностью заинтересовывается крупный иностранный и акционерный капитал, и это обстоятельство дает возможность разработки машинным способом приисков.

*) Доклад на 1 Сиб. Краевом Научно-Исслед. С'езде в дек. 1926 г.

63.3(25)
Ю82

К ИЗУЧЕНИЮ СИБИРИ

П. С. ЮРЦОВСКИЙ

СОВРЕМЕННАЯ СИБИРЬ

К ИЗУЧЕНИЮ СИБИРИ

Н. С. ЮРЦОВСКИЙ

СОВРЕМЕННАЯ СИБИРЬ

Биб-ка Рыбохоз. станции
Инв. № 11185
3000

Наркомторг Союзрыба
Табельн. ...

БИБЛИОТЕКА
Обь-Тазовского отделения
Сибрыбкиппроект
г. Ханты-Мансийск Инв. № 300

В ДАР „К"

СИБКРАЙИЗДАТ
1928

-145982-

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

63.3(2Р5)
Н082

г. Новосибирск,
тип. Сибкрайсоюза.
Советская, № 6.
Сибкрайлит № 2121
от 7 декабря 1927 г.
Наряд № 513.
Тираж 3000 экз.

Исходя из необходимости дать читателю материалы по изучению Сибири, Сибкрайиздат выпускает серию книг под общим наименованием „К ИЗУЧЕНИЮ СИБИРИ“.

Книжки рассчитаны на краеведов, учащих школ I и II ступени, школьные библиотеки и на советский актив, знание Сибири для которых является практической необходимостью.

Желание издательства дать популярную книжку зачастую осложнялось тем, что необходимо было дать основные сведения по той или иной теме в возможно более сжатой по размерам книжке, что крайне важно в целях удешевления. В связи с этим, издания в известной мере являются конспективными, преследующими цель дать материал справочного характера. Указатели литературы, помещаемые в каждой книжке, полагаем, восполнят этот пробел и дадут возможность каждому интересующемуся вопросом ознакомиться с ним возможно более полно по другим источникам.

Темами серии „К изучению Сибири“ являются: „История Сибири“, „Природа Сибири“, „Естественные богатства Сибири“, „Современная Сибирь“, „Население Сибири“, „Что читать о Сибири“, „Что такое Тельбес“ и друг.

СИБКРАЙИЗДАТ.

ОТ АВТОРА.

За последнее время, в связи с окончанием восстановительного процесса в сибирском хозяйстве и усиленным хозяйственным строительством в стране, со стороны широких трудовых масс, принимающих участие в этом строительстве, проявляется серьезный и устойчивый интерес к экономическим проблемам в краевом их разрезе.

Наряду с этим интересом замечается, что читатель (иногда даже специалист вне рамок своей специальности) зачастую бродит, „как в лесу“, запутавшись в изменениях территорий, противоречивых цифрах и разнообразных постановках актуальнейших вопросов.

Необходимо, таким образом, введение, которое, не претендуя на исчерпывающую полноту, стояло бы в то же время на уровне современности, вводило бы читателя в современную сибиреведческую экономическую литературу.

Только что охарактеризированная цель очерка и размеры его, предначертанные издательством, служат об'яснением многих пропусков и отсутствия детализации цифрового материала (наша задача состояла в том, чтобы заострить внимание читателя только на основных вопросах).

Очерк носит название „Современная Сибирь“. Уже в самом заголовке, таким образом, определены территориальные рамки об'екта изучения: это Сибирь в современных границах, в рамках утвержденного постановлением ВЦИК'а от 25 мая 1925 года Сибирского края.

Новосибирск. Ноябрь 1927 года.

ГЛАВА I.

Сибирь наших дней.

Районирование Сибири.

Довоенная Сибирь раскинулась на колоссальном пространстве. Урал на западе, Великий океан на востоке, Ледовитый океан на севере, Китайская Империя и Средне-Азиатские степи на юге — вот внешние пределы старой Сибири. При такой обширной территории, конечно, не могло быть хозяйственного единообразия. С развитием экономики Сибири хозяйственная дифференциация внутри ее шла все сильнее и сильнее. Старые административно-территориальные образования — области, губернии, уезды — к началу XX века уже не соответствовали новым экономическим условиям и направлениям хозяйственного развития Сибири.

Гражданская война 1918-19 годов и национальная политика Соввласти, направленная к тому, чтобы предоставить малым народностям возможность самостоятельного хозяйственно-культурного развития, привели к тому, что к 1920-21 году из Сибири выделилась западная часть, вошедшая в состав Уральской области и Киргизской (Казакской) Республики, а на территории восточной части образовались три Республики — Якутская, Бурято-Монгольская и Дальне-Восточная. Наименование Сибири осталось за средней частью, расположенной между Омском и Иркутском и об'единенной в 1920 году под управлением Сибирского Революционного Комитета.

В 1925 году это положение было закреплено образованием Сибирского края в рамках территории Сибревкомовской Сибири. При этом были упразднены прежние губернии, уезды и волости (число тех и других за послереволюционные годы сильно возросло по сравнению с довоенным временем в связи с очевидною устарелостью прежних столетних административно-территориальных границ), место их заняли округа и районы.

Семь лет хозяйственно-политической жизни в составе одного организма, конечно, спаяли до известной степени районы, вошедшие в состав современного Сибирского края, и провели существенную грань между ними — с одной стороны и районами, оставшимися за пределами Сибкрая — с другой стороны.

Сибкрай и округа, как хозяйственные единицы.

В системе Советского Союза Сибирский край представляет собою административно-хозяйственное образование, входящее в состав РСФСР наравне с автономными республиками, автономными областями и губерниями Европейской части Союза. Права Сибкрайисполкома в отношении округов шире прав Губисполкомов в губерниях Европейской части РСФСР, но несколько уже, чем права соответствующих органов в автономных республиках. Положение Сибкрайисполкома аналогично положению Уральского Облисполкома, Северо-Кавказского и Дальне-Восточного Крайисполкомов.

Место Сибкрая в Советском Союзе характеризуется следующими его специфическими чертами: а) малая плотность населения, приближающая Сибкрай к Дальнему Востоку, Якутии, Казакстану, северным губерниям РСФСР и Средне-Азиатским Республикам; б) малая обеспеченность транспортными средствами — и в этом отношении Сибкрай стоит выше лишь поименованных районов; в) видное место в вывозном балансе Советского Союза — Сибкрай является одним из крупных поставщиков экспортного сырья; г) значительные лесные и ископаемые богатства, ставящие Сибкрай на одно из первых мест в мире; д) туземное население, нуждающееся в особых мерах охраны со стороны государства; е) колонизационные возможности, облегчающие разгрузку от избыточного населения других, относительно перенаселенных, районов Союза.

Каждый округ Сибирского края, образованный по экономическим признакам, также должен иметь специфические черты, дающие ему определенное лицо. В рамках краткого очерка, конечно, не легко в немногих словах охарактеризовать это лицо.

Грубо схематизируя, все 20 округов Сибирского края можно разделить на 4 группы. Первая группа — таежные, полусельско-хозяйственные, полупромысловые, преимущественно колонизационные округа: Тарский, Томский, Ачинский, Красноярский, Канский, Тулуновский, Иркутский, Киренский. Вторая группа — степные и лесостепные, исключительно сельско-хозяйственные округа: Омский, Славгородский, Барабинский, Новосибирский, Каменский, Рубцовский, Барнауль-

ский, Бийский, Минусинский. Третья группа — горно-степной, скотоводческо-земледельческий, с особым составом населения, Хакасский округ и Ойротская автономная область. В четвертую группу может быть выделен один только Кузнецкий округ, являющийся самым индустриальным как сейчас, так и в будущем.

В частности, по отношению к отдельным округам, схематически можно наметить следующие специфические черты.

Тарский. Река Иртыш,— основная артерия, железных дорог нет. Заселению обязан, главным образом, переселенцам последних десятилетий. Лес („Тарские Урманы") и болота („Рыбино-Каргалинское заболоченное пространство"). Более чем где-либо развиты лесо-кустарные промысла, продукция этих промыслов сбывается в южнее расположенных степных районах. На округ в колонизационном отношении возлагаются большие надежды, но сейчас заселение его идет туго.

Томский. Река Обь с рядом судоходных притоков (Томь, Чулым, Кеть, Тым, Вах, Чая, Парабель, Васьюган), из коих используются для судоходства не все, в северной части — заброшенный Обь-Енисейский канал, южная часть — прорезана магистралью. Южная часть округа — земледельческо-промышленная (Анжеро-Судженские копи), северная часть — обширный Нарымский край. Экономика Нарымского края характеризуется наличностью туземного населения, охотой и рыболовством; будущие перспективы округа (и Нарымского края в частности) связываются с переселением и использованием лесных богатств; переселение стоит под большим вопросом в виду сильной заболоченности края („Васьюганское море") и отсутствия железнодорожной связи; слабая заселенность и отсутствие железнодорожного транспорта обусловливают также неиспользованность до сих пор крупных лесных массивов округа. Перспективы развития округа связываются с намеченными к постройке железными дорогами: Татарская — устье Тыма, Томск — Енисейск, Ижморская — Зыряновское (с продолжением на Кеть).

Ачинский. Река Чулым, Ачинск-Минусинская ветка и магистраль прорезывают округ в трех направлениях. Округ в северной своей части мало обжит и располагает крупными колонизационными перспективами; реализация этих перспектив зависит от постройки Томск-Енисейской или Ачинск-Енисейской железных дорог. Хозяйственная жизнь округа определяется, главным образом, сельским хозяйством.

Красноярский. Река Енисей, низовья Ангары, магистраль — основные пути связи в округе. Северная часть округа — знаменитая Енисейская золотопромышленная тайга; с

проведением Томск-Енисейской или Ачинск-Енисейской железных дорог северная часть будет жить не только золотопромышленностью, но и лесной промышленностью. Округ географически (р. Енисей) и экономически связан, с одной стороны, с Минусинским краем и Танну-Тувинской республикой, с другой стороны — с Туруханским краем.

Туруханский край входит в состав Красноярского округа, но должен быть рассматриваем совершенно самостоятельно. Громадный край, совершенно безлюдный (на полтора миллиона квадратных клм. территории — 20 тысяч душ населения). Река Енисей с многоводными притоками (две Тунгуски и др.). Енисейский залив и побережье Ледовитого океана, — как база для рыболовства и морских промыслов. Северный морской путь через устье Енисея. Значительные ископаемые богатства (Курейский графит, Норильский каменный уголь, золото и платина). Край находится за полярным кругом, разноплеменное, исключительно туземное население. Сельское хозяйство невозможно. Экономику края определяют пушной промысел и рыболовство, в будущем — разработка ископаемых богатств.

Канский. Река Ангара и магистраль, — как основные средства связи; северная часть — Приангарье — по населению и хозяйству близка к Туруханскому краю. Южная часть — сельско-хозяйственно-промышленная (соль, слюда); округ обладает большими колонизационными возможностями. Крупные лесопромышленные возможности по Ангаре и ее притокам открываются с постройкою Томск-Енисейской (или Ачинск-Енисейской) и Тайшет-Усть Кутской железных дорог.

Тулуновский. Река Ангара, ее притоки (Бирюса, Илим, Ока), магистраль — как средства связи. В ближайшем будущем округ прорежет Тайшет-Усть Кутская железная дорога; характер округа — сельско-хозяйственный и промысловый на севере. Возможности промышленного развития (Хохарейские богхеды). Самая маленькая национальность в мире — 500 душ карагасов, приютившихся в северо-западной части округа. У округа большие колонизационные перспективы в связи с значительным количеством неосвоенных человеком земель, допускающих сельско-хозяйственное их использование.

Иркутский. Река Ангара, верховья Лены, магистраль. Также таежный характер, гористый рельеф в южной и средней части округа. Наряду с сельско-хозяйственными занятиями сельского населения — крупное развитие промышленности в округе, как добывающей, так и обрабатывающей (Черемховские копи, Хайтинская фарфоро-фаянсовая фабрика, соль, слюда, лесообрабатывающие предприятия и др).

Бодайбинский район. В административном отношении входит в состав Иркутского округа, но отделен от него территорией

Киренского округа и резко отличается по своему характеру. Жизнь района сосредоточена по реке Витиму и его притокам и определяется всецело золотопромышленностью; это один из богатейших в мире золотопромышленных районов.

Киренский. Один из обширнейших округов Сибкрая. Чрезвычайно мало освоен населением, живущим исключительно по течению рек (Лена, Нижняя Тунгуска и др.). Земледелие — в ничтожных размерах, но обширные площади допускают занятия им, и в округ предполагается направлять переселенцев после того, как Приленская железная дорога свяжет его с обжитой полосой. Жизнь округа сейчас определяется сельским хозяйством в потребительских размерах и промыслами (охота, извоз); в будущем округ будет играть роль сельско-хозяйственного плацдарма для соседних золотопромышленных районов. Нижняя Тунгуска связывает округ с Туруханским краем, Лена — с Бодайбинским районом и Якутией.

Омский. Река Иртыш, магистраль в двух направлениях — на Челябинск и Свердловск. Степной характер. Исключительно сельско-хозяйственное направление в экономике округа. В южной части имеются киргизы, почти целиком перешедшие в оседлое состояние. Крупные товарные излишки от хлебопашества, маслоделие, промышленная обработка сельско-хозяйственной продукции.

Барабинский. Магистраль, в будущем—ветка Татарск—устье р. Тыма; верховья р. Оми, система Чанских озер. Южная и средняя часть округа населены сравнительно густо; северная часть — таежно-болотистая, переход к соседнему Васьюганью. Хозяйство округа определяется земледелием. В системе Чанских озер сыздавна развито промышленное рыболовство (рыба мелкая, но в довоенное время шла даже на Урал). Округ считается колонизационным, но колонизация его связана с проведением жел. дор. (на Васьюган) и требует значительных затрат на мелиоративные работы.

Славгородский. Сплошная степь, черноземная почва, соленые озера. С магистралью округ связывает железнодорожная ветка от ст. Татарской на Славгород-Павлодар. Округ имеет исключительно сельско-хозяйственный характер.

Новосибирский. Река Обь, магистраль, Алтайская ветка от Новосибирска на Барнаул, как начальная часть Сибиро-Туркестанской магистрали, в будущем — железнодорожная ветка на Кольчугино. Округ (за исключением северно-таежной части и Салаирского Кряжа в юго-восточной части) заселен густо. Сельское хозяйство сейчас целиком определяет его экономику. Будущее округа связано с Новосибирском, как крупным промышленным (в будущем) центром.

Каменский. Река Обь — единственное средство связи. Равнинно-степной характер, густое население, исключительно сельско-хозяйственный характер.

Рубцовский. Река Чумыш с притоком Алей и Алтайская железная дорога; в будущем — железнодорожные ветки на Кулунду и на Риддер. Население густое, хозяйственная жизнь определяется сельским хозяйством. Имеются засушливые районы, требующие искусственного орошения. В будущем намечается развитие свеклосеяния и постройка сахарного завода.

Барнаульский. Река Обь и железная дорога Новосибирск — Барнаул — Семипалатинск; в будущем Барнаул будет связан ж. д. с Кулундой в одну сторону и Кузнецком в другую. Экономика округа характеризуется теми же чертами, как и Рубцовского. Сейчас сельское хозяйство и с.-х. промышленность, в ближайшем будущем — сахарная промышленность.

Бийский. Водные пути — Бия, Катунь, Чарыш, ж.-д. ветка от Барнаула на Бийск. Рельеф гористый на юге и степной к северу. Основное занятие — сельское хозяйство, населенность значительная.

Минусинский. Река Енисей связывает округ с Красноярском и с Урянхайским краем (Танну-Тувинская республика). С магистралью округ связывает сейчас Ачинск-Минусинская дорога, в будущем будет проведена дорога Кузнецк — Минусинск, как звено южно-сибирской магистрали. Округ заселен неравномерно — местами довольно густо. Экономика округа определяется сельским хозяйством: не даром он давно получил наименование „житницы Сибири“, весьма значительные товарные излишки хлебопашества. Имеются значительные ископаемые богатства, но без всякой их разработки.

Ойротия. Горный рельеф. Туземное население. Железных дорог нет. Реки — Бия, Катунь, Чарыш. Чуйский тракт соединяет Бийск с Монголией и прорезывает насквозь область. Основное занятие населения — скотоводство. В общем — область бедна в хозяйственном отношении. Будущие перспективы ее связаны с транзитной торговлей Союза с Монголией.

Хакасский. Реки Енисей и Абакан, Ачинск-Минусинская железная дорога. Население — русское и туземное; русское занимается сельским хозяйством, туземцы-хакасы занимаются преимущественно скотоводством и хлебопашеством; имеются засушливые районы, требующие орошения. Значительные ископаемые богатства при слабой их разработке (Абаканский железо-делательный завод, сейчас консервированный, медные рудники в таком же состоянии).

Кузнецкий. Реки — Томь, Кондома, Мрасса, железная дорога от станции Юрга на Щегловск (Кемерово) — Кузнецк и далее (строится) на Тельбес. Сельско-хозяйственный характер занятия населения в северной и средней части, с.-х. промысловый характер в южной части; южная часть занята туземной группой (шорцы); основное значение округа — индустриальное. Кузнецкий каменноугольный бассейн, Кемеровский химический завод, будущий мощный металлургический завод на Тельбесском месторождении.

Города Сибкрая — его лицо в прошлом и настоящем.

„Лицо" края характеризуется не только районированием — разделением на определенные административно-хозяйственные единицы. Городская жизнь, присущая данному краю, внешний облик городов также отображают достаточно отчетливо хозяйственно-культурную жизнь края или области и динамические изменения в этой жизни.

35 лет тому назад, когда только что начиналась постройка великой Сибирской железной дороги, на территории Сибирского края было 4 губернских города — Омск, Томск, Красноярск, Иркутск и полтора десятка уездных городов. Общая численность городского населения не превышала 250 тысяч, что при 2½ милл. душ сельского населения давало 10% городского населения.

Относительное значение каждого города в отдельности, общая численность населения, его социальный состав, наконец, внешний облик городской жизни определялись прежде всего его административным значением.

Губернские города имели значительное по численности чиновничество, в них исключительно сосредоточивались средние и специальные учебные заведения, обслуживавшие громадную территорию губернии; потребности административно-территориальной связи оживляли весь быт сибирского губернского города. Архиерей, губернатор, полицмейстер, председатель суда, директор гимназии — были виднейшими лицами в городе, „законодателями" его понятий и времяпровождения. Губернская каторжная тюрьма при в'езде в город, большие кирпичные казармы для гарнизона, монументальный кафедральный собор — прежде всего бросались в глаза.

Чиновничество вместе с первогильдейским купечеством проводило время в клубе за картами и попойками. Здесь много пили, ели, мало читали, жизнь шла равномерно, тихо. Но и при всем этом сибирские города все же были своего рода культурными центрами для прилегающих к ним районов.

Что совершенно отсутствовало в жизни старых сибирских городов — это кадры подлинного городского пролетариата. Были мелкие заводы полукустарного типа, различные ремесленные заведения с наемным трудом, но число обслуживающих их рабочих было ничтожно, быт этих рабочих не отличался от быта окружающего мещанства и т. п.

Уездные города копировали собою (в значительно меньшей лишь перспективе) облик губернских. Было меньше чиновничества, на вершине его стоял не губернатор, а исправник, место гимназии занимало уездное училище или прогимназия и т. д. Но так же при в'езде в город стояла тюрьма, на углах улиц полосатые полицейские будочки, и так же вся жизнь города определялась его административными функциями по отношению к уезду.

Самые значительные города в Сибири того времени — Томск и Иркутск — имели в начале 90-х годов по 40-80 тысяч жителей, Омск, Красноярск и Барнаул — по 20-25 тысяч жителей*). За ними шли по численности: Бийск, Минусинск, Енисейск, Колывань, имевшие, в среднем, каждый по 10 тысяч жителей.

Омск, в отличие от других сибирских городов, характеризовался военно-казачьим обликом. Здесь жил генерал-губернатор Степного Края, здесь находился громадный (единственный на всю Сибирь) кадетский корпус.

Барнаул был центром Управления Алтайским округом Кабинета его величества. Кабинетские чиновники и инженеры да воспоминания о горно-промышленном прошлом придавали

---

*) *Вот как писатель Гарин характеризовал в своих воспоминаниях Томск и Иркутск (воспоминания относятся к 1898 г.):*

„В девять часов вечера уже весь город спит, темно на улицах и спущены собаки с цепей.

Обыватель, погрязший в расчетах, прозаичный, некультурный, ничем посторонним, кроме вина, еды и карт не интересующийся. Сплетни, как в самом захолустном городке.

Развлечений никаких; везде грязь; молодеческие рассказы о похождениях исправников и становых; торговля краденым золотом и всякой гнилью московской залежи"...

„Что до Иркутска, то это такой же городок в шубе, как и все сибирские города.

Маленькие здания, деревянные панели, деревянные дома, грязные бани и еще более грязные гостиницы, с их нечистоплотной до последнего прислугой"...

А вот воспоминания об Омске (1903 г.) Майского:

„Одноэтажные деревянные дома, три-четыре белокаменные церкви, два убогих моста через Омь, остатки старинных укреплений на берегу Иртыша, несколько двухэтажных каменных зданий под железной крышей, в которых помещались правительственные учреждения, длинные красные казармы по окраинам города и белое здание тюрьмы на выезде — таков был Омск моих воспоминаний. Зимой город был завален громадными сугробами снега, летом

внешний блеск старому Барнаулу. Памятью о горнозаводской старине да торговлей с Монголией жили города Бийск, Змеиногорск.

Томск перебил у Тобольска честь открытия 1-го Сибирского университета. К началу постройки железной дороги Томский университет состоял в составе одного факультета (медицинского) и не был многолюден. Но целая совокупность других фактов, наличность в Томске большой газеты и проч. делали Томск главным культурным центром для всей Западной Сибири.

Роль старого культурного центра для Восточной Сибири выполнял Иркутск с его библиотеками, Восточно-Сибирским Отделом Географического общества, рядом богатых меценатов — покровителей сибирской общественности. Иркутск — арена деятельности Щапова, Ядринцова, Потанина и др.

Многие сибирские города — как Томск, Кузнецк, Красноярск, Енисейск, Иркутск — своим внешним процветанием

задыхался в тучах песчаной пыли. Весной и осенью улицы превращались в непролазное болото, а на базарной площади лошади вязли в грязи по брюхо. Для спасения погибающих животных собирались целые толпы народа. Фонарей не было, и ночью город тонул в непроглядной тьме. Население Омска, исчислявшееся в 35 тысяч, носило какой-то случайный характер. У него не имелось никакой органической связи с местом, ибо в Омске того периода не было ни промышленности, ни серьезной торговли, ни тесной спаянности с окружающими сельско-хозяйственными районами. „Искусственный город“— говорили о нем его обитатели. И в этой характеристике действительно было много верного. Ибо Омск представлял сначала крепость, а потом превратился в административную столицу Западной Сибири, населенную пришлым чиновничеством и неизвестно откуда выросшим мещанством. Генерал-губернатор был здесь бог и царь. а все остальное существовало между прочим, так себе.

Жизнь в этом городе была скучная и нудная, как в застоявшемся, покрытом плесенью, болоте. Не жизнь даже была, а скорее, просто существование. В центре мира стояла собственная утроба. Хлеба, мяса, рыбы и прочей снеди было много, и местное население делало из них поистине гомерическое употребление. Не ели, а жрали, не пили, а упивались, к чаю по утрам всегда готовы были горячие жирные „шаньги“, за обедом с'едали целые миски пельменей. На масленице блины истребляли до получения заворота кишек, а на Пасхе христосовались до тех пор, пока не распухали губы. Подвыпившие купчики били стекла в единственном ресторане города и дико носились по улицам на тройках с колокольцами, опрокидывая и давя пешеходов.

Ни культурной, ни политической жизнью в городе и не пахло. Театра не было, лишь в пасхальные дни на базарной площади вырастали убогие-балаганы, да местные любители из чиновничьей среды от времени до времени устраивали хромоногие спектакли. Печать была представлена маленькой газеткой „Степной Край“, выходившей два или три раза в неделю и громившей местных „отцов города“ за дурные свойства уличных тротуаров. Еще я помню в газетке много писалось о бродячих собаках, которые были столь нахальны, что кусали всех обывателей, не разбирая ни ранга, ни положения. Чиновничество — гражданское и военное — жило от „двадцатого“ до „двадцатого“, занималось сплетнями и пересудами, вечера проводило в клубах за пулькой и пьянством“.

и шумной эффектностью жизни были обязаны сибирской золотопромышленности. Каменные дома купеческой кладки на главных улицах этих городов, многочисленные церкви, выстроенные благочестивыми храмолюбцами, шум и разгул клубных попоек, крупные куши азартных игр в стенах тех же клубов,—все это было связано со спорадическим расцветом золотопромышленности в округе, питалось слепым счастьем, подхваченным в глухой золотопромышленной тайге.

Постройка Сибирской железной дороги, радикальным образом изменив экономический уклад Сибири, вместе с тем оказала громадное влияние на города Сибири. Общая численность городского населения в Сибири с этого времени быстро растет, процент прироста городского населения обгоняет прирост сельского населения, даже при наличности иммиграции значительных крестьянских масс. Изменяется общий облик городской жизни. Среди самих городов происходит перегруппировка: одни растут и богатеют, другие начинают глохнуть и беднеть, наряду со старыми городами вырастают с американской быстротой новые города.

Экономическое развитие Сибири шло со времени окончания постройки Сибирской железной дороги по пути развития сельско-хозяйственного экспорта и зарождения промышленности, правда, скромной по размерам, но все же уже отходящей от прежнего кустарно-ремесленного типа. Произошли изменения и внутри самой промышленности, в относительном весе и значении отдельных ее отраслей. Первое место в промышленности заняла каменно-угольная, отодвинув золотопромышленность, в экспорте масляный экспорт побил пушной, в ряду внеземледельческих занятий населения упало значение извоза. Товаропроводящие потоки изменили свое направление.

Все отмеченные изменения не могли не отразиться на городах. Ярче всего новое в экономике Сибири ощутили на себе города, оставшиеся в стороне от магистрали, такие города, как Колывань, Енисейск, Змеиногорск.

Колывань убавила за 30 лет свое население с 12 тысяч до 8 тысяч и перешла в разряд сел (даже дома из Колывани стали, вслед за жителями, перебираться в выросший под боком Новосибирск).

Енисейск из блестящего города, полного каменных домов солидной купеческой кладки, из города, в котором когда-то „в каждом доме был кабак", где ворочали колоссальными состояниями и, поймавшие в глухой тайге слепое счастье, люди благодарственно строили церкви (если прежде того не спивались), превратился в глухую деревушку, оживляющуюся лишь с пароходами, с наполовину заколоченными домами, так как

хозяева их уехали. Число жителей в Енисейске с 1897 по 1926 г. сократилось наполовину: 4,7 тысячи вместо 11,5 тыс.

В Змеиногорске уже не сохранилось и памяти о былом горнозаводском его прошлом, и он, попросту, превратился в торгово-промышленное село, также будучи исключен из списка сибирских городов. Такова же участь оказалась у исторического Нарыма, у Илимска, Верхоленска и Балаганска.

Не умер и даже повысил количество населения, но потерял прежнее исключительное значение (перевалочного пункта для грузов, шедших с запада по воде и перегружавшихся здесь на грунтовые дороги) обойденный магистралью, очутившийся на небольшой ветке, прежний первый по величине город в Сибири —Томск; он удержался на высоте главным образом благодаря своим ВУЗ'ам, благодаря связи с Нарымским краем и благодаря своему окружному значению (К тому же прежний период заложил в нем основы некоторой промышленной жизни, хотя и полукустарного типа).

Из всех поименованных городов только Томск и Енисейск имеют перспективы на будущий расцвет, на свой „восстановительный процесс" (при условии проведения Томск-Енисейской железной дороги и индустриализации сибирской тайги).

В то же время значительный рост обнаружили города, оказавшиеся на пересечении ж.-д. магистрали крупными речными путями или в узле ж.-д. сообщений. Омск вырос с 35 тыс. в 1897 г. до 160 тыс. в 1926 г., из города глухого, чиновничьего превратился в крупный торгово-промышленный центр (при чем этот рост не прекращается: Омск на наших глазах обрастает рабочими поселками и слободками).

Значительно выросли Барнаул и Красноярск. Первый с 21,0 тыс. в 1897 г. поднялся до 73,8 тыс. в 1926 г. и второй — с 26,7 тыс. до 72,1 тыс. в 1926 г. Из уездных городов значительный рост проявляет Ачинск, как начальный пункт Ачинск-Минусинской ж. д. Иркутск так же, как Томск, стал университетским центром и увеличился значительно по населению, но постепенно теряет былое значение „ключа" к Приленскому краю и Забайкалью. С Приленским краем у Иркутска еще сохранились прежние связи, но намеченная постройка ж. д. от Тайшета или Тулуна уже ставит под угрозу его исключительное значение для Бодайбинского района и Якутии.

Наряду с „могиканами" старой Сибири мы имеем ряд очень молодых по возрасту городов, существованием своим обязанных постройке железной дороги и охарактеризованным экономическим процессам: Барабинск, Татарск, Новосибирск, Тайга, Зима, Тулун, Рубцовск, Черемхово.

Наиболее яркую историю имеет Новосибирск. За 35 лет он вырос с пары рыбачьих хижин у устья речки Каменки до города с 120 тысячами жителей. Новосибирск занимает чрезвычайно благоприятное географическое положение, предрешающее ему в дальнейшем блестящее будущее. Когда будет закончена Туркестано-Сибирская магистраль (по существу начинающаяся сейчас с Новосибирска), когда через Новосибирск по спрямленной ветке пойдут маршрутные поезда с кузнецким углем и коксом на Урал, когда на Казакстанских полиметаллических рудах в Кузбассе или Новосибирске будет создана цветная металлургия и химические заводы,— самые фантастические расчеты прироста населения Новосибирска станут вероятными.

Даже не заходя так далеко вперед, беря намеченную индустриализацию в рамках ближайшего пятилетия, мы видим, как значительны перспективы Новосибирска, в котором за пятилетие должны быть построены: завод с.-х. машиностроения, беконная, льнопрядильная, обувная фабрики, крупный кожевенный завод, новый маслобойный завод и пр.

Вообще говоря, молодые сибирские города могут быть разделены на две группы по источникам своего роста: одни развились на основе торговли и транспорта, другие—на основе горной промышленности.

С развитием горной промышленности в интересующем нас 35-ти летнем периоде связано возникновение городов: Щегловска, Ленинска-Кузнецкого (Кольчугино), Черемхова, Бодайбо и городских поселений (рабочие поселки): Анжерка, Судженка, Прокопьевский поселок. За 1897—1927 год Щегловск увеличил свое население с 3,9 тыс. до 21,5 тыс., Ленинск-Кузнецкий с 2 тыс. до 19,6 тыс. Все это — индустриальные центры современной горнопромышленности Сибири, подлинные пролетарские ее центры.

Другая группа молодых сибирских городов свои пролетарские кадры комплектовала из транспортных рабочих. Города: Татарск, Боготол, Тайга, Барабинск, Зима обязаны своим возникновением ж.-д. мастерским и депо (Кстати, и в таких старых городах, как Омск, Красноярск, Нижнеудинск, Томск—городской пролетариат сформировался главным образом из ж.-д. рабочих; блестящие страницы первой русской революции 1905 года в Сибири написаны транспортниками. Так знаменитая „Красноярская республика“ выросла исключительно из Красноярских ж.-д. мастерских.)

По виду рабочие поселки Сибири, современные ее пролетарские центры, очень неказисты. Это деревни, в которых скопилось рабочее население без каких-либо внешних признаков городского культурного быта. Но уже сейчас отпускаются

крупные средства для жилищного, клубного строительства и пр. в рабочих поселениях. Будущее, с постройкой мощного Тельбесского Комбината на 10.000 постоянных рабочих, несет нам появление в Сибири подлинного рабочего города. Так же перестроятся и примут индустриальный вид и такие города, как Новосибирск, Омск с пригородами.

Общий облик городской жизни современной Сибири уже не тот, что так ярко описали для конца XIX века Гарин и Майский. Уже не один, а три сибирских города являются академическими центрами. Омск, не имевший ни одного ВУЗ'а, имеет их сейчас три, обзавелся ВУЗ'ом и Иркутск. Не говоря о радикальных изменениях в области культуры и быта, происшедших в результате Октябрьской революции, следует особо отметить прежде всего для Сибири, разбросанной на огромной территории, исключительное значение радио-связи, величайшего достижения XX века, которая не только проводит резкую грань между городом довоенной Сибири и городом Сибири современной, советской, но и связывает все города и значительную долю сельских поселений, устраняя вековую разобщенность города и деревни и об'единяя их усилия в строительстве Советской Сибири.

Биб-ка Рыбохоз. станции
Инв. № 1214

- 045982 -

ГЛАВА II.

Основные проблемы народного хозяйства Сибири.

Пути развития сибирского хозяйства теснейшим образом связаны, прежде всего, с вопросом о дальнейшем освоении человеком колоссальных необжитых сибирских пространств и уплотнении имеющегося редкого населения в обжитой полосе Сибкрая и затем с вопросом о создании таких средств сообщения Сибири с внешним миром и между отдельными ее районами, которые выводили бы ее из современного, крайне невыгодного в хозяйственном отношении, положения. Проблема колонизации и проблема транспорта, безусловно, являются исходными для сибирской экономики. К этим двум крупнейшим экономическим вопросам должен быть еще присоединен вопрос о росте коллективистических элементов в сибирском хозяйстве и вопрос о планово-регулирующем воздействии социалистического государства на хозяйственное развитие края.

Колонизация.

Проф. Ключевский как-то выразился, что „история России есть история ее колонизации“. С еще большим правом это выражение может быть приложено к Сибири, которая до сих пор продолжает быть одним из основных колонизационных районов Союза для перенаселенных районов Европейской его части.

В истории сибирской колонизации мы встречаемся с различными ее типами (независимо от того, проводилась ли колонизация в порядке государственного сверху регулирования, или даже прямого принуждения, или шла она стихийным самотеком крестьянских одиночек и масс).

Когда московское правительство XVII века присылало в Сибирь с Приуралья сотни крестьянских „пашенных“ людей и садило их по сибирским трактам в „ямские слободы“, чтобы избегнуть ввоза в Сибирь российского хлеба и частых голодовок, как следствия перебоев в хлебном снабжении,—

очевидно оно осуществляло тип чисто хлебопашеской колонизации Сибири.

Когда вятичи, пермяки шли за Урал и, бродя по низовьям великих сибирских рек, били птицу, зверя, гонялись за „мягкой рухлядью" наравне с полудикими аборигенами Сибирского севера, или когда они, сев по Ангаре, Киренге и проч., с искренним намерением заняться хлебопашеством и убедившись далее, что „землица худая", „родит плохо", переходили на ружье и рыболовную сеть, как более надежный источник пропитания,— в том и другом случае эти „вольные колонизаторы Сибири" являют перед нами пример промысловой колонизации.

Наконец, когда петербургское правительство XVIII и начала XIX веков создавало в Сибири своеобразное заводское крепостное право, а затем в заботах о привлечении на сибирские рудники и заводы рабочей силы принимало меры к принудительному или добровольному переселению в район этих заводов и рудников,— перед нами пример попыток промышленной колонизации Сибири.

Основным типом сибирской колонизации до настоящего времени все же являлся и является тип сельско-хозяйственной колонизации с полеводческим уклоном.

Пять с половиной миллионов крестьян переселенцев за Урал с 60-х годов XIX столетия до 20-х годов XX столетия были крестьяне-хлеборобы.

Занятие сельским хозяйством (хлебопашеством) на новых землях было движущей силой для переселения столь значительных людских масс.

Правительственная власть, взявши после ряда колебаний в свои руки регулирование и направление крестьянского переселенческого движения за Урал, так же подходила к колонизации Сибири, как к колонизации исключительно сельскохозяйственной. Все мероприятия по изысканию колонизационных фондов, по подготовке их к заселению были связаны с сельско-хозяйственным направлением сибирской колонизации.

Но уже в последние довоенные годы стало выясняться, что дальнейшее направление колонизационного потока по пути сельско-хозяйственной колонизации встречает серьезные затруднения.

Легко осваяемые хлебопашцем земли оказались уже исчерпанными. Угрожающий характер начало приобретать истощение почв, с которыми переселенец, сохранивший примитивные методы полеводства, не мог справиться. Ряд переселенческих участков стал систематически недоселяться. Из заготовленных переселенческих участков стал образовываться „мертвый

фонд". Миллион переселенцев ушел обратно в Россию. 60% ходоков возвращалось в Россию, не зачислив за своими доверителями земли.

За исчерпанием свободных земель в степной и лесо-степной полосе Сибири — ось колонизационного потока и заготовки колонизационных фондов повернулись в сторону тайги. Сам по себе подобный поворот ставил под сомнение возможность и целесообразность дальнейшего направления колонизации Сибири по старому пути.

В настоящее время для всех является бесспорным, что лишь в ограниченной части колонизационных районов Сибкрая можно говорить об исключительно сельско-хозяйственном характере колонизации.

Колонизация ближайших лет должна быть колонизацией смешанного типа, т.-е. промыслово-земледельческой или земледельческо-промысловой.

Вместе с тем, встает вопрос о промышленной колонизации. Сибирь в будущем несомненно должна стать страной индустриальной. Для этого у нее слишком много природных данных. Для реализации же этих данных нужна рабочая сила. Эту рабочую силу должна дать колонизация промышленного типа. В соответствии с наличностью естественных богатств и возможностью индустриального развития во всех округах Сибири, о промышленной колонизации можно говорить в отношении любого административного или географического района Сибири. В отношении отдельных районов, как, например, Туруханский край, Енисейская золотопромышленная тайга, Ленско-Витимский золотопромышленный район, можно говорить исключительно лишь о промышленной колонизации. Роль сельско-хозяйственного плацдарма для этих районов выполняют соседние колонизационные районы, расположенные южнее.

Вопрос о чисто промышленной колонизации частично уже приобретает характер злободневного. Промышленный характер имеет заселение районов постройки Тельбесского завода, сахарных заводов на Алтае, намеченных крупных лесообрабатывающих предприятий на севере.

Колонизация Сибири в прошлом имела много недостатков. Современная колонизация стремится изжить их и предотвратить ошибки прошлого. Основная черта современной колонизации — стремление предварительно тщательно изучить районы, намеченные для колонизации, и ввести плановое начало в стихийное переселенческое движение.

Отсюда вопрос о том, какое количество переселенцев может принять Сибирский край в ближайшие годы. Интересы перенаселенных районов Союза требуют, чтобы Сибирь при-

няла максимально возможное количество переселенцев. В то же время отсутствие к настоящему моменту легко-освояемых земель, необходимость их подготовить при значительной стоимости мероприятий по подготовке таежных пространств к заселению, в частности необходимость связать удаленные колонизуемые районы с заселенною полосой Сибирского края жел.-дор. путями,— приводят к тому, что прием переселенцев Сибирским краем должен быть обусловлен известными пределами. Сибкрайисполком признает, что переселение в Сибирский край на ближайшие 15 лет должно быть ограничено 2 милл. душ.

Теоретически Сибирский край, конечно, может принять на свои просторы значительно большее количество иммигрантов. Для уравнения плотности Сибирского края с плотностью других районов Союза нужно еще очень много.

Но и два миллиона душ, или 400 тыс. новых хозяйств, внесут значительное оживление в хозяйственную жизнь Сибири, подведут трудовую базу под сельско-хозяйственное производство и индустриализацию.

Транспорт.

Второй, стержневой проблемой развития сибирского хозяйства является вопрос о развитии на территории края всевозможных путей сообщения. Проф. Огановский весьма остроумно и правильно сравнивает пути сообщения с жилами и нервами в человеческом организме: „Через кровь в теле происходит обмен веществ, без которого тело не может жить и расти, также не может существовать и развиваться народное хозяйство без того обмена, который производится при помощи путей сообщения".

Сибирь не обделена только водными путями сообщения. Исторически сибирские реки были первыми путями проникновения русских и продвижения их на Восток, все они многоводны, колоссально протяженны и прорезывают Сибирь в разных направлениях. Но, вместе с тем, сибирские реки обладают весьма существенными недостатками: впадение в Ледовитый океан, малая продолжительность навигации, разобщенность между собою трех основных речных систем, порожистость или запущенность некоторых из рек, препятствующие развитию на них судоходства.

Былая исключительная роль речных путей для сибирского хозяйства, конечно, кончена. Все же современное использование сибирских рек для судоходства должно быть признано недостаточным. Необходимо развитие тоннажа речного флота и расширение районов его рейсирования. Есть ряд рек, по

которым вполне возможно судоходство, но для организации его необходимо изучение этих рек, оборудование их, устранение порогов, шиверов, расчистка от карчей и заломов. Распространение на эти реки судоходства необходимо еще потому, что большинство их находится в районах, являющихся колонизационными.

Говоря о развитии судоходства по сибирским рекам, мы подходим к отмеченной выше разобщенности между собою основных речных систем Сибири. При взгляде на карту легко можно видеть, как в некоторых географических точках эти системы близко подходят друг к другу. Отсюда — давнишняя идея соединения между собою великих сибирских рек через их притоки и систему каналов.

В восьмидесятых годах прошлого столетия был построен так называемый Обь-Енисейский канал. К сожалению, постройка была задумана и осуществлена крайне неудачно. Канал заглох, и пользование им совершенно прекратилось (Летом 1927 года по каналу на небольшом катере пыталась пройти с Енисея на Обь экспедиция Сибирской Ихтиологической лаборатории; чтобы осуществить это намерение, понадобилось громадное напряжение сил, разгрузка катера, расчистка силами участников экспедиции канала от карчей, шлюзы оказались разрушенными, дно занесено и т. д.).

В начале XX века в Министерстве Путей Сообщения разрабатывался грандиозный проект содания *„Великого Речного Пути“* от Балтийского моря до Великого океана. Для осуществления этого проекта понадобилось бы соединить каналом бассейн Камы с бассейном Иртыша, реставрировать и углубить Обь-Енисейский канал, очистить от порогов Ангару, соединить каналом приток Байкала Селенгу с Амуром. Все это стоило бы несколько сот миллионов рублей. Вряд ли подобный проект может рассчитывать на осуществление в ближайшие годы. Но в одной своей части — реставрирование и углубление Обь-Енисейского канала — он может быть реален.

К водным путям Сибири примыкает тесно связанный с ними так называемый *Северный Морской Путь*,— другими словами, сообщение по Ледовитому океану через устья сибирских рек с Европейской частью Союза и странами Западной Европы. Этот путь был хорошо известен уже предприимчивым новгородским и московским торговцам XI—XVI века.

Северный Морской Путь имеет большое значение для развития сибирской экономики уже потому, что он захватывает безлюдные пространства Сибирского севера, весьма богатые валютными и иными ценностями. Но, вместе с тем, он имеет ряд крупных отрицательных свойств.

Экспортные возможности Северного Морского Пути не соответствуют импортным (в одну сторону идет громоздкий, но относительно малоценный груз, в другую — груз ценный, но незначительный по весу и количественному выражению), при чем это положение не представляется возможным изменить по природному характеру сибирского внешнего товарооборота.

Краткость навигационного периода при пользовании Северным Морским Путем создает весьма медленную оборачиваемость капитала, затрачиваемого на торговые операции, и тем самым понижает их коммерческую выгодность.

В области оборудования Северного Морского Пути и изучения условий плавания по нему за последние годы было сделано много, но все же недостаточно. Наконец, Обская часть Сев. Мор. Пути имеет крайне мелкий бар, препятствующий значительному заходу в устья Оби морских судов.

Перспективы Сев. Мор. Пути в будущем тесно связываются с эксплоатацией природных богатств приполярного севера, совершенно лишенного железных дорог (лес, графит, пушнина, продукция рыболовства и морских промыслов).

Значение как внутренних речных путей Сибири, так и Сев. Мор. Пути для развития сибирского хозяйства определяется следующим образом: 1) по водным путям — речным и морским — перевозки грузов обходятся значительно дешевле, чем по железнодорожным; 2) водные пути в обжитой полосе Сибири восполняют недостаток железных дорог и усовершенствованных грунтовых дорог; 3) в необжитой полосе водные пути служат исключительным средством сообщения; 4) в целом водные пути имеют значение под'ездных к основным железнодорожным выходам из Сибири.

Если использование сибирских рек (и Ледовитого океана) в качестве средств сообщения началось с первого прихода русских за Урал, если паровой речной транспорт Сибири возник почти девяносто лет тому назад (в сороковых годах прошлого столетия), то железнодорожный транспорт на территории Сибирского края насчитывает за собою немногим более 30 лет существования.

За эти 30 лет *железнодорожный транспорт* произвел подлинный переворот в сибирской экономике. Действительность быстро превзошла первоначальные расчеты на грузооборот. Дорогу переустроили и снова не рассчитали. Построили ряд новых под'ездных путей — мало. Над Сибирью, как и всей РСФСР, пронесся вихрь военных и послевоенных потрясений, край пережил острый хозяйственный кризис. Но как только Сибирь начала выходить из этого кризиса, она снова стала задыхаться в тисках единственной железнодорожной магистрали.

Железнодорожное строительство стало лозунгом сегодняшнего дня. „Сколько-нибудь крупное увеличение производственной мощности Сибкрая совершенно немыслимо без широкого нового железнодорожного строительства“,— заявляет Сибкрайплан. Из-за отсутствия железнодорожных путей сообщения остаются невовлеченными в эксплоатацию огромные лесные массивы края, не могут быть использованы крупнейшие колонизационные фонды, остаются без разработки колоссальные богатства недр.

Уже в последние довоенные годы вопрос о плановом железнодорожном строительстве в России вызвал обстоятельное обсуждение, при чем в отношении Азиатской России вопрос этот был поставлен особенно широко.

Восстановительный процесс в хозяйстве Советского Союза вновь возродил дискуссию по вопросам железнодорожного строительства в Союзе и нашем Сибкрае в частности. Были возрождены прошлые варианты и, кроме того, выдвинут ряд новых направлений.

Необходимость железнодорожного строительства для Сибири вызывается прежде всего тем, что единственная Сибирская магистраль с двумя точками пересечения Урала (Челябинск, Свердловск) уже сейчас не справляется с вывозом сибирской продукции. Развитие сибирского сельского хозяйства идет в направлении большей и большей товарности его, т.-е. выбрасывания на внешний (по отношению к Сибири) рынок значительных масс хлеба, масла, мяса, кожсырья. Последние годы хлебные заготовки в Сибири тормозились настоящими „хлебными заторами“, которые создавались на Сибирской ж. д. С каждым годом положение с вывозом из Сибири с.-х. продукции становится серьезнее. Наряду с хлебными грузами значительные товарные массы дает кузнецкий уголь (и кокс). Осуществление урало-кузнецкой проблемы, т.-е. создания мощной уральской металлургии на сибирском угле и коксе, также связано с усилением пропускной способности ж.-дор. путей Сибирского края.

Уже в довоенное время выдвигались проекты постройки двух новых широтных магистралей, параллельных современной ж. д.: одну называли Южно-Сибирской (Минусинск-Кузнецк-Барнаул-Славгород-Кокчетав-Атбасар-Орск), другую—Северно-Сибирской (Енисейск-Томск-Тара-Ишим-Шадринск-Красноуфимск).

Южно-Сибирская магистраль открывала бы путь сибирскому хлебу к портам Черного или Азовского морей (примерно, по маршруту Саратов-Миллерово-Ростов или Сталинград-Новочеркасск, при осуществлении постройки Волго-Донского канала с использованием и этого пути).

Северно-Сибирская магистраль открывала бы путь кузнецкому углю (при условии постройки спрямляющей линии от Юрги на Томск) на Урал, а также гарантировала бы развитие в районе его углежжения в интересах той же уральской металлургии.

К вопросу о постройке Северно-Сибирской магистрали близко подходят поиски северного выхода из Сибири к портам Белого Моря путем постройки специальной магистрали от одного из речных портов Иртыша или станции Уральского ж.-д. узла (на бухту Индиго или на ст. Сорока, Мурманской ж. д. и т. д.).

У каждого из названных вариантов ж.-д. выхода из Сибири есть свои обоснования экономической его целесообразности. В рамках нашего краткого очерка мы не можем на них останавливаться.

Отметим лишь, что проект постройки Южно-Сибирской магистрали оказался ближе всего к реальному осуществлению, т. к. в последние довоенные годы на постройку этой дороги был собран значительный акционерный капитал и было приступлено к постройке отдельных участков этой дороги. Мировая война приостановила постройку. В советский период была лишь закончена постройка начатых отдельных участков магистрали, оставшихся без взаимной связи. Продолжать или не продолжать достройку Южно-Сиба — осталось под вопросом. При проработке вопроса о 15-ти летнем плане ж.-д. строительства в Сибири вопрос об Южно-Сибе вызвал оживленную дискуссию, но в конце-концов постройка этой магистрали в полном масштабе, как выход для сибирской продукции, из генерального плана исключена.

О постройке Северно-Сибирской магистрали в последнее время совсем почти не подымается разговора. Зато вопросам о выходе на бухту Индиго или ст. Сорока Мурманской ж. д. весьма заинтересовались центральные и местные органы.

В настоящее время вопрос о постройке новых широтных магистралей в направлении на запад для выхода сибирской продукции получил новую постановку: в отношении Сибири выдвинут проект создания *Сибирской сверхмагистрали* (от Красноярска, Новосибирска или Кургана на Москву-Ленинград).

Сверхмагистраль — это дорога с повышенной пропускной способностью, специально предназначенная для массового грузового движения, с крайне низкими тарифами, приближающимися по своей дешевизне к водным.

Возможность применения на сверхмагистрали таких необычайно пониженных тарифов достигается при двух условиях: 1) должно быть произведено переустройство железной

дороги (снижение уклонов, устройство более устойчивых мостов и перекрытий) и переоборудование подвижного состава (мощные паровозы, специальные вагоны грузоподъемностью вместо одной — пять тысяч пудов); в результате один поезд сверхмагистрали может взять груза 150—200 тысяч пудов и, таким образом, заменяет три-четыре обыкновенных поезда; 2) грузовому движению должен быть придан особый характер — оно должно быть массовым, в одном направлении, без перебоев, с погрузкою и выгрузкою в ограниченном количестве пунктов.

Сверхмагистраль должна устранить необходимость постройки новых магистралей широтного направления и дать больший хозяйственный эффект, т. к. чрезвычайно низкими тарифами (которые не может выдержать дорога обычного типа) ставит сибирского производителя в такое же положение в отношении внешнего рынка, в каком находится, скажем, производитель Тверской губ.

Сверхмагистраль вошла в 15-ти летний генеральный план ж.-д. строительства.

Кроме выходов на запад и установления связей с Европ. частью Союза и ее экспортными портами, Сибирь может и должна иметь ж.-д. выходы и в других направлениях.

Здесь на первое место должен быть поставлен вопрос о ж.-д. магистрали, соединяющей Сибирь с Туркестаном. Проект Туркестано-Сибирской ж. д. был выдвинут также в довоенное время, но получил конкретное осуществление только в наши дни. Турксибстрой — детище Соввласти, начат в 1927 г. и будет закончен к 1931 г.

После своего окончания эта дорога произведет такой же переворот в сибирской экономике, какой в конце прошлого столетия произвела постройка Сибирской магистрали. Сибирский хлеб, лес и уголь (а также — тельбесский чугун, железо и алтайский сахар) пойдут в Туркестан, при чем хлеб даст возможность Туркестану расширить более ценные хлопковые посевы. Туркестан взамен даст Сибири хлопок и фрукты. Комбинация туркестанского хлопка с сибирским углем рано или поздно создаст в Сибири хлопчатобумажную промышленность. Кроме того, по линии откроются колонизационные фонды. Заселение их пойдет со стороны Сибири.

Далее должна быть поставлена *Приленская ж. д.* от одной из станций Сиб. ж. д. (Тайшет или Тулун) до такого пункта на р. Лене, с которого начинается регулярное пароходное сообщение. В дальнейшем эта линия продолжается на восток — на Витим и далее и таким образом превращается в крупную по протяжению Восточно-Сибирскую магистраль. Ленская линия должна связать с Сиб. магистралью золотопромышлен-

ные районы и Якутию. Постройка ее признается первоочередной и, вероятно, будет начата в ближайшее время. Необходимость постройки Ленской линии вызывается еще тем, что линия вскроет крупные колонизационные массивы, которые сейчас не заселяются в виду полного отрыва их от обжитой полосы Сибкрая.

Задачам установления внешних связей Сибири (Сибкрая) со смежными районами должны служить также *ж. д. в Монголию* (от Бийска через Кош-Агач) *и Урянхайский край* (от Минусинска на Красный — столицу Танну-Тувинской республики).

Кроме целей установления внешних связей, стимулирования товарности сибирского хозяйства и его экспортности, постройка новых ж. д. на территории Сибирского края может преследовать и иные цели: связь между собой отдельных районов края, обслуживание колонизационных или промышленных районов, вообще выполнение роли под'ездных путей к основным магистралям или линиям.

Особенное значение приобретает *постройка ж. д. в колонизационных районах*, т. к. для этих районов она является основной предпосылкой самой колонизации, но мы не имеем возможности остановиться на всех намеченных линиях под'ездного или колонизационного значения, тем более, что в вопросе об окончательном направлении и сроках постройки этих линий до сих пор нет необходимой определенности и четкости.

Говоря о транспортной проблеме в отношении Сибири, помимо вопроса о расширении существующей ж.-д. сети, нужно иметь в виду еще одну существенную сторону этой проблемы: необходимость надлежащего оборудования Сиб. ж.-д. транспорта специальными хранилищами и специальным подвижным составом для массовых скоропортящихся грузов (элеваторы, холодильники, изотермические вагоны и пр.).

Транспортная проблема не разрешается только водными или жел.-дор. средствами сообщения. В наши дни наряду с паросиловым транспортом выдвигаются автотранспорт и авиосообщения.

К сожалению, в области автокультуры в Сибири мы имеем почти пустое место. Автотранспорт при ничтожном количестве машин обслуживает только отдельные города. Прежде чем говорить об автомобильном сообщении по внутренним грунтовым дорогам Сибири, надо сначала их привести в состояние, пригодное для автотранспорта.

Авиосообщение в Сибири уже имеет за собой ряд успешных перелетов через всю территорию Сибири (перелеты 1926-27 г. Москва — Пекин, Токио — Москва, Москва — Токио, Париж — Омск и др.) и в отдельные отдаленные районы Сиби-

ри (Новосибирск — Туруханск и др.). Этими перелетами подведена конкретная база под установление в Сибири одной большой международной Трансибирской воздушной линии для перевозки почтовых грузов и пассажиров и ряда внутрисибирских линий для связи с отдаленными золотопромышленными и пушными районами (Красноярск — Туруханск, Иркутск — Якутск).

Процессы обобществления.

Вместе со всем Советским Союзом Сибирский край идет по пути к полному обобществлению своего хозяйства. Обобществление отдельных сторон хозяйственной жизни края является задачей не только социально-экономического, но и политического характера.

По трем основным разделам хозяйственной жизни Сибирского края —торговля, промышленность, сельское хозяйство,— процессы обобществления протекают с различной интенсивностью и успешностью. Но в целом очевидно и несомненно неуклонное развитие и углубление этих процессов.

В области торговли роль частного капитала значительна и заметна лишь по розничному товарообороту: в 1926-27 г. частный оборот исчислялся в 25% всего розничного оборота. Что же касается оптовой торговли, то здесь роль частного капитала к 1926-27 г. снизилась до совсем незаметной величины — 2,3%.

Весь капитал, вложенный в торговлю частными лицами, Сибкрайпланом исчислялся на 1/IV-27 г. в 9,1 милл. р., что, по отношению ко всем капиталам, вложенным по Сибири в торговлю, составляет менее 5%. За три последние года снижение удельного веса частного капитала в сибирской торговле шло следующим образом: в оптовой торговле — 8,1%, 6,4%, 2,3%, в розничной торговле — 46,8%, 33,6% и 25,4%. Даже в абсолютных цифрах оптовый частный оборот за два года упал с 16,2 милл. р. до 10,5 милл. р.

Задача обобществления торговли ложится, главным образом, на кооперацию (потребительскую). Роль госторговли—временная. К 1927 г. кооперация заняла в общем торговом обороте Сибкрая 45% по опту и 62% по рознице.

Рост охвата населения потребительской кооперацией Сибири характеризуется следующими цифрами: на 1/X-24 г. сиб. потребит. кооперация имела 178 тыс. пайщиков, что составляет 29,5% по отношению к общему количеству хозяйств, на 1/X-25 г.— 378 тыс. пайщиков, или 42,1% населения, на 1/X-26 г.— 555 тыс. пайщиков, или 56,7% всего населения, на 1/X-27 г.— 820 тыс., или 65,2% всего населения. Сибкрая.

2647 потреб. обществ с 3288 лавками и почти миллионом пайщиков при 3,5 милл. паевого капитала, 40 милл. собственных средств и 420 милл. годового оборота*) представляют достаточно крупную и внушительную величину в экономике Сибирского края. Не может быть никаких сомнений в том, что сибирская потребительская кооперация имеет все данные для своего дальнейшего развития.

Необходимо отметить, что в Сибкрае процессы обобществления торговли зашли значительно далее, чем вообще в Союзе (2,3% удельный вес частного капитала в опте против 9,4% по всему Союзу, 25,4% удельный вес в рознице против 38,8% по Союзу). Это углубление коллективистического сектора в сибирской торговле идет за счет кооперации, удельный вес которой в розничной торговле по Союзу равнялся 43%, в то время как по Сибири он дошел до 62%.

В промышленности Сибирского края частный капитал почти целиком владеет кустарно-ремесленной промышленностью. Но исключительная роль частного капитала в мелкой кустарной промышленности по самому характеру этой промышленности не представляет особого интереса и не создает опасений за судьбы коллективизации сибирского хозяйства. Будущее сибирской промышленности, как известно, не на этом ее участке.

Что же касается промышленности фабрично-заводского типа, промышленности механизированной, снабженной двигателями, то здесь участие частного капитала совершенно ничтожно. Данные за 1926-27 г. показывают, что на долю частного сектора цензовой промышленности Сибкрая падает 7,7% всей ее валовой продукции и пришлось 12,4% всех занятых в цензовой промышленности рабочих**). Но 85% всей продукции и 95% всех рабочих частного сектора падает на концессионную промышленность, представленную по существу одним крупным золотопромышленным предприятием („Лена Гольдфильдс Лимитед"), сданным в аренду в конце 1925 г. Исключив это предприятие, мы получим группу небольших слабо оборудованных предприятий, у которой количество двигателей составляет менее 5% всех двигателей с мощностью менее 1% мощности всех двигателей сибирской цензовой промышленности.

В области промышленности задача коллективизации ложится почти исключительно на сектор государственных предприятий. В том же 1926-27 г. на долю кооперативной цензовой промышленности приходилось 9,2% валовой продукции и

*) Данные на 1/X-1926 г. и за 1925/26 г.
**) Данные Контр. цифр. „Жизнь Сиб." 1927 г. № 9-10.

еще менее — 3,2% количества рабочих по всей цензовой промышленности Сибири.

За промышленность, торговлю, еще в большей степени — за транспорт и кредит (являющиеся сами по себе мощными регуляторами и промышленности и торговли) мы можем быть совершенно спокойны. „Командные высоты“ за государством и кооперацией здесь закреплены достаточно твердо и бесспорно.

Несколько сложнее дело в области сельского хозяйства, поскольку здесь перед нами многомиллионная крестьянская стихия, полтора миллиона единоличных хозяйств-производителей. Но и здесь каждый год приносит нам все бóльший и бóльший рост коллективистических элементов в хозяйстве.

Процессы обобществления здесь выражаются, прежде всего, в росте с.-х. производственной, кредитной, молочной, охотничьей кооперации. За три года процент охвата сельского населения Сибири с.-х. кооперацией поднялся с 16,8% (на 1/X-24 г.) до 32,0% (на 1/X-27 г.), по охотничьей кооперации с 18% до 49% (всех учтенных Охотсоюзом охотников*). Молочная кооперация об'единяет 36,6% всего населения Сибкрая, если же взять только районы, в которых она существует, процент этот повысится до 60.

Развитие с.-х. производственной кооперации идет не так бурно, как потребительской. Но все же и она перешагнула уже довоенные рамки. Из отдельных видов с.-х. кооперации наибольшее развитие имеют кредитные товарищества.

Общий рост с.-х. кооперации характеризуется следующими цифрами за последние три года**):

	1924 г.	1926 г.	% роста
всех первичных произв. коопер.	3231	6997	= 116
в т. ч. машинных товариществ	82	1206	= 1370
семенных товариществ	9	343	= 3711
животноводческих товариществ	28	273	= 725
маслодельных артелей	1195	2965	= 148

Что чрезвычайно слабо (и о чем надо весьма и весьма пожалеть) — это развитие кустарно-промысловой кооперации. Сейчас она существует главным образом в городах Сибири. Размеры и обороты кустарно-промысловой кооперации Сибири весьма скромны. Между тем уже одно переселенческое движение и его направление в глухой таежный север Сибирского края с малыми (относительно) с.-х. перспективами и с большими возможностями лесоиспользования — подталкивает на

*) Контр. цифры Сибкрая. „Ж. С.“ 1927 г. № 9-10.
**) „Сел. хоз. Сиб. края“. Новосибирск. 1927 г. Стр. 81.

необходимость создания мощной кустарно-промысловой кооперации в Сибири.

Наиболее характерно и ярко элементы социалистического строительства выявляются в сфере сельского хозяйства при организации совхозов, сельско-хозяйственных коммун, товариществ по коллективной обработке земли.

Колхозы в Сибири, начавшие возникать с 1920 г., пережили период бурного роста, затем численного сокращения и процесса частичной ликвидации. Из общей массы естественным образом выкристаллизировались наиболее сильные и мощные.

При всех своих относительно незначительных размерах (землепользование их составляет сейчас не более 1% всей общей площади землепользования по Сибкраю) колхозы в условиях Сибири представляют величину, мимо которой нельзя пройти по ряду положительных их сторон.

В колхозах выше, чем в единоличных хозяйствах, использование рабочего скота и посевной площади, следовательно, выше производительность труда; в колхозах Сибири имелось в начале 1926/27 г. 134 трактора, другими словами—треть колхозов механизировали процессы сельского хозяйства.

Значительные достижения имеются и в системе хозяйства: 43% колхозов ввели правильные севообороты, и вообще колхозы служат проводниками среди окружающего населения ряда агрикультурных мероприятий.

Планово-регулирующее начало в хозяйстве Сибкрая.

Обобществленное на 100% хозяйство в основе своей имеет план, регулирование единой волей хозяйствующего коллектива. План является обязательным и на всех стадиях народного хозяйства, идущего к полному обобществлению.

Идея регулирования находит себе яркое выражение в составлении „перспективных“ планов, „контрольных цифр“ и пр.

Советская Сибирь уже знает несколько опытов большого планирования. Так, Сибкрайземуправление в 1924-25 г. г. провело большую работу по составлению организационных, дифференцированных по с.-х. районам края планов развертывания сельского хозяйства. В 1924 году Сибпромбюро составило пятилетние планы по всем отраслям промышленности, находившимся в его ведении. Но при всей серьезности проработки этих планов, они имели один крупный недостаток: их хозяйственные элементы были взяты вне связи с хозяйством края и Союза в целом.

В 1927 году было приступлено к составлению „генерального плана реконструкции сибирского народного хозяйства". План этот стремится избегнуть основного недостатка старых перспективных планов тем, что все части хозяйственного строительства в нем гармонично связаны, координированы между собой.

Генеральный план рассматривает хозяйство сибирского края, как одно из звеньев хозяйства Советского Союза. Тенденции в развитии хозяйства края проводятся в согласии с тенденциями, выявленными по всему Союзу его высшим плановым органом. Рядом хозяйственных моментов в генеральном плане хозяйство края связано с другими районами Союза.

Так, проблема вывоза сибирского угля и кокса для нужд уральской металлургии связывает хозяйственные интересы Урала и Сибири. Проблема строительства Туркестано-Сибирской магистрали и вопросы товарооборота по ней связывают Сибирский край с Средней Азией. Проблема создания в Сибкрае нового металлургического центра связывается с острым металлическим голодом не только в Сибири, но и на Дальнем Востоке, в Монголии, в той же Средней Азии.

Далее, через весь генеральный план реконструкции сибирского хозяйства стержневой осью его проходит идея индустриализации.

Индустриализация рассматривается сибирским генпланом не как создание разрозненных, индивидуально существующих предприятий или промышленных отраслей, а как зарождение мощных промышленных комбинатов. Около этих комбинатов создадутся пролетарские центры советской индустриализованной Сибири.

Генеральный план реконструкции сибирского хозяйства построен с расчетом охватить все без исключения отрасли сибирского хозяйства. Но из всей совокупности хозяйства края в целом, этот план выделяет несколько, являющихся в его трактовке „стержневыми".

„Стержневыми проблемами" генплана прежде всего являются: 1) проблема сибирского экспорта — вопрос об его источниках, направлениях и размерах; 2) угольная промышленность; 3) транспортное строительство.

Далее, как первоочередные, выдвигаются: 4) проблема создания в Сибкрае черной металлургии; 5) интенсификация золотопромышленности; 6) переселение; 7) интенсификация маслоделия и пушного промысла.

ГЛАВА III.

Сельско-хозяйственный уклон сибирской экономики.

„Сибирь обладает очень значительными богатствами. Невольно хочется сравнить их с богатствами Канады, с которой Сибирь имеет много поразительного сходства. Канада также расположена на крайнем севере материка; климат в ней столь же суров, и приблизительно в течение полугода там так же, как и в Сибири, прекращается всякая навигация по ее озерам и рекам; вместе с тем Канада доставляет своему населению богатства, подобные тем, какими пользуются и сибирские страны...

...Население в обеих этих странах имеет также много сходного: меньшинство его составляют племена туземцев; масса европейских переселенцев поглощает самые жизненные элементы туземного населения, а остальную часть его оттесняет к крайнему северу, где они и вымирают.

Сходство Канады с Сибирью поразительное. Почему же Сибирь, обладая цифрою населения, может быть, даже несколько большей, нежели цифра населения Канады, до сих пор так мало извлекает пользы из своих богатств? Почему, получив те же дары природы, развилась она позже?“

К. Оланьон. „Сибирь и ее экономическая будущность“. СПБ, 1903 г.

Сельско-хозяйственный уклон сибирской экономики.

Многогранна жизнь Сибири — и ее быт и хозяйство. Многообразию историко-бытовых и культурно-хозяйственных моментов соответствует обилие ходячих наименований и присловий в отношении старой и новой Сибири: „Сибирь — каторга“, „Сибирь — колония“, „Сибирь — золотое дно“, „Русская Канада“ и т. д. Каждое такое присловие имеет свой смысл, оттеняющий какую-нибудь специфическую черту Сибири в ее прошлом или настоящем.

Из всех этих присловий наиболее глубоким, наиболее значимым кажется нам наименование Сибири „Русскою Канадою“. Здесь не только яркая аналогия. Если в основе хозяйственного быта Сибири и Канады может быть устано-

влено общее, если много сравнимых черт в их физико-географическом положении, в их прошлом развитии и пр.,— мы имеем полное основание предполагать, что более отсталая из них экономически (а таковой является, конечно, Сибирь) в дальнейшей своей истории повторит пути экономического развития этой более передовой страны. В аналогии, таким образом, дается перспектива...*)

Основная черта сибирской экономики (как и Канады) — это ее сельско-хозяйственный уклон. Этот уклон прежде всего получает резкое и отчетливое выражение в составе населения Сибири.

По данным демографической переписи 1926 года, 13% населения Сибирского края живет в городах и поселениях городского типа и 87% в сельских населенных пунктах. На 7,5 милл. сельского населения приходится 1,2 милл. городского. В сельских населенных пунктах зарегистрировано 1.453.722 хозяйства, из них 1.306.724 квалифицированы, как хозяйства „крестьянского типа".

Сама по себе редкость населения Сибири и особенно географическое распределение его по колоссальной территории характеризуют сельско-хозяйственный по преимуществу быт населения.

Там, где совокупность естественно-исторических условий представляет наибольшие возможности для сельско-хозяйственного освоения территории,—там мы встречаемся с наиболее высокими относительно цифрами средней плотности населения.

И, наоборот, там, где имеются колоссальнейшие возможности промышленного использования естественных богатств, но почему-либо нет благоприятных условий для создания полеводческого хозяйства,—там мы зачастую встречаемся с почти безлюдностью, и огромные потенциальные возможности остаются мертвым капиталом...

„Сибиряк"— прежде всего крестьянин хлебопашец или туземный абориген, живущий охотою, рыболовством, ското-

*) Сравнение Сибири с Канадой — давнего происхождения. Но с тех пор, как в литературе появилась впервые аналогия „Сибирь — русская Канада", в экономике Канады произошли серьезные изменения. Из прилагаемой в конце книги диаграммы читатель может видеть, как далеко ушла Канада по пути индустриализации всего своего хозяйства. Оказывается, что к 1926 году уже половина населения Канады сконцентрировалась в городах, ценность продукции обрабатывающей промышленности превысила ценность продукции сельского хозяйста и пр. Но эта индустриализация прошла главным образом в плоскости сельского хозяйства, в промышленную обработку поступает в основной массе с.-х. и лесная продукция. Отсюда —„Канада еще страна сельско-хозяйственная, и по типу народного хозяйства она пока аналогична Сибири". („Сев. Азия" 1927 г., № 3, стр. 27).

водством. В некоторой степени с представлением о сибиряке связываются воспоминание о приискателе, шахтере и в весьма малой степени — представление о рабочем завода или фабрики.

Все прошлое развитие сибирской экономики шло по путям роста — и количественного и относительного — различных отраслей сельского хозяйства.

Хозяйственный быт туземного населения Сибири до прихода русских всецело определялся охотою и скотоводством (этому населению частично была знакома добыча ископаемых и земледелие, но все же ни то, ни другое не определяли собою хозяйства старинной туземной Сибири).

Пушные богатства и ценные ископаемые были стимулом завоевательного и колонизационного стремления русских в Сибири. Наряду с ясаком, торговлей „мягкой рухлядью" (пушнина) и „поисками" руд (серебра, меди, железа), транзитная торговля с Китаем, Монголией и Китайским Туркестаном была третьим моментом, определявшим хозяйственно-экономические пути старой Сибири XVII-XVIII века.

Но пушные богатства истощались, горные богатства эксплоатировались крайне неумело, внешняя торговля могла занимать лишь часть населения; основное туземное население, занятое скотоводством и охотою, постепенно вымирало; на смену ему, увеличиваясь численно и распространяясь территориально, пришло русское население, основным занятием которого являлось хлебопашество.

Так, из скромных попыток московского правительства насадить хлебопашество в притрактовых районах для обеспечения продовольствием ямщицкого и городского населения и из хлебопашества отдельных заимщиков для собственного потребления развилось сибирское земледелие, как главный определяющий фактор в экономике края XIX-XX века.

Скотоводство, когда то игравшее роль самодовлеющего основного занятия, лишь у отдельных туземных групп сохранило свою самостоятельность, а во всех остальных случаях комбинируется в хозяйстве с земледелием. Из страны кочевника-скотовода или бродячего охотника Сибирь превратилась в страну земледельческую, крестьянскую.

Приближение к Сибири со стороны Приуралья железнодорожных путей, постройка в конце XIX века Великой Сибирской железной дороги, создание Северного морского пути — вывели Сибирь из изолированного хозяйственного положения, связали с мировым хозяйством и в какие-нибудь 2-3 десятилетия преобразили экономический быт Сибири до неузнаваемости.

Значительно возросли индустриальные моменты в хозяйственной жизни края. Но еще значительнее возросли элементы сельско-хозяйственные. В крестьянском хозяйстве появились новые отрасли — промышленное маслоделие, льноводство. Посевные площади стали расти с невероятной быстротой. Росло также и товарное отчуждение сельско-хозяйственной продукции, часть которой экспортировалась за пределы Сибири в виде сельско-хозяйственного сырья, часть послужила базою для создания местной сельско-хозяйственной промышленности (винокуренной, мыловаренной, кожевенной и т. д.).

По данным 1917 года, соотношение между различными отраслями сибирского хозяйства характеризовалось следующими цифрами стоимости валовой продукции (цифры получены путем умножения средней выработки на общее количество рабочей силы).

Добывающие отрасли хозяйства:

Полеводство и животноводство	362,5	милл. р.	59,5%
Заготовка дров	17,6	„ „	2,9 „
Добыча горных богатств	37,6	„ „	6,9 „
	417,7	милл. р.	68,6%

Обрабатывающие отрасли хозяйства:

Обработка пищевых и животных прод.	129,0	милл. р.	21,2%
Маслоделие	47,5	„ „	7,8 „
Лесообрабатывающая промышленность .	8,0	„ „	1,3 „
Горнообрабатывающая и химическая .	7,4	„ „	1,1 „
	191,6	мил.л р.	31,4%

Комбинируя иначе те же цифры, мы получаем валового дохода от земли и животноводства 88,4%, от леса — 4,0% и от недр — 7,0%.

Соответствующее отражение отмеченная структура народного хозяйства Сибири получила и в транспортных перевозках и в экспорте (вообще за пределы Сибири и в частности за границу).

Основное значение по численной массе и во внутренних перевозках и в экспорте за пределы Сибири имел хлеб. По железным дорогам в 1913 году за пределы Сибири было вывезено 557 тыс. тонн хлеба (в зерне и муке), в том числе 34% в порты Балтийского моря для вывоза за границу.

Основное значение в экспорте по ценности имели масло и пушнина. Сибирское масло в последние довоенные годы составляло 80% всего масляного экспорта России за границу. Экспортируемая из Сибири пушнина составляла почти половину мирового оборота мехов. За последние довоенные годы стал также налаживаться экспорт льна и лесоматериалов (правда, в очень скромных для начала размерах).

Годы империалистической и гражданской войны подорвали в целом сибирское хозяйство, создали экономический кризис Сибири (как и во всем Союзе Советских Республик). В Сибири экономический кризис, как последствие войны, начал ощущаться значительно позднее, чем в Европейской России. По абсолютным величинам посевной площади и скотского стада 1917 год стоит выше 1913 г., для большинства экономических показателей является годом максимального развития сибирского хозяйства. Все черты хозяйственного кризиса, как послевоенного явления пережиты Сибирью уже в период 1920-22 годов.

В области сельского хозяйства Сибири послевоенный кризис получил внешнее выражение в сокращении посевной площади и численных размеров стада, в перераспределении посевного клина (пропорция полевых культур) и видового, а также возрастного состава стада, в уменьшении валовой продукции полеводства и животноводства, в общей перестройке крестьянского хозяйства на потребительский лад и отсюда — в падении товарности крестьянского хозяйства.

С 1923 года начинается восстановительный процесс в сибирском сельском хозяйстве. Как показывают статистические данные, этот восстановительный процесс идет очень быстро (гораздо быстрее даже, чем по всему Союзу в целом). Посевная площадь 1926 г. уже превысила посевную площадь 1913 и 1917 г. г., прирост ее за один год равен 19 % (св. милл. гектаров). Число голов скота также превысило размеры скотоводства по данным 1913, 1917 и 1920 г. г.

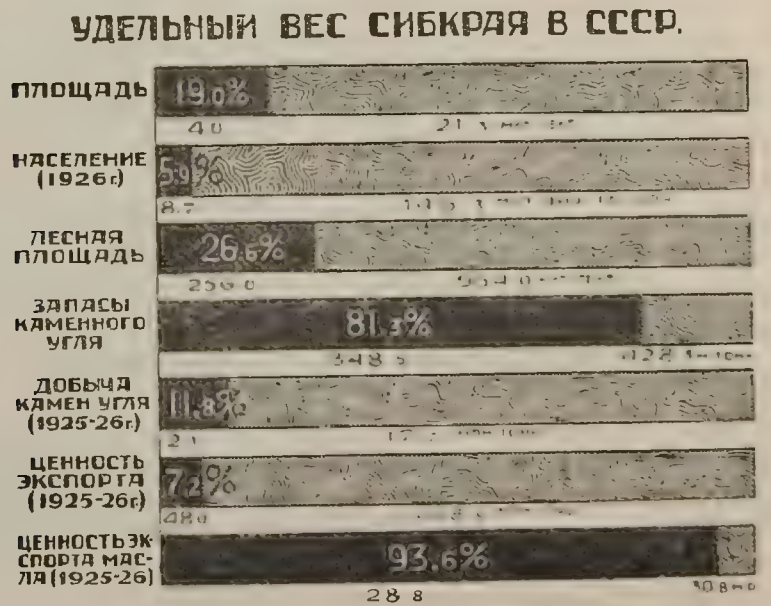
Восстановительный процесс не во всех частях (округах) края и не по всем отраслям сельского хозяйства протекает одинаково (и вообще для данного момента не может еще считаться окончательно завершенным). Но несомненно, что он подходит к концу, и послевоенный кризис в целом можно считать преодоленным.

Подходя к современным цифрам, относящимся к территории Сибирского края в его современных границах уже после пережитого послевоенного кризиса,— мы должны констатировать, что сельское хозяйство сохраняет в общей хозяйственной системе края то же значение, как и до кризиса, в последние довоенные годы.

Утвержденные Сибирским Краевым Исполнительным Комитетом „Предпосылки к составлению генерального плана реконструкции сибирского народного хозяйства“ начинаются с утверждения, что „сельское хозяйство Сибирского края, являясь в настоящее время как по стоимости производимой продукции, так и по количеству занятого в нем земледельческого населения, основною и главнейшею отраслью всего народного хозяйства края, несомненно и в дальнейшем сохранит свое крупное значение в экономике края, ибо естественные условия благоприятны для развития сельско-хозяйственного промысла“.

Это авторитетное утверждение целиком и полностью подтверждается цифрами. В 1925-26 году валовая продукция полеводства и животноводства составила ценность, равную 548 м. рублей, а валовая продукция крупной и средней промышленности („цензовой“) — 84 милл. и мелкой промышленности — 73 милл. рублей. Во всей государственной, кооперативной и частной промышленности Сибири в 1925-26 году было занято 145 тыс. против 3 милл. с лишним рабочих, занятых в сельском хозяйстве.

В 1925-26 году посевная площадь Сибкрая составила 9,6% всей посевной площади РСФСР и валовая продукция сельского хозяйства Сибкрая — 7,9% от сельско-хозяйственной продукции РСФСР. В то же время валовая продукция цензовой промышленности Сибкрая дала только 2,6% от продукции цензовой промышленности РСФСР.



СООТНОШЕНИЕ В ТОВАРНОЙ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСК.ХОЗ-ВА МЕЖДУ ПОЛЕВОДСТВОМ И ЖИВОТНОВОДСТВОМ.

Количество рабочих, занятых в цензовой промышленности Сибкрая в 1925-26 г., составило лишь 0,2% от общего количества рабочих цензовой промышленности РСФСР. Основной капитал сибирской промышленности на 1-е октября 1926 года исчислялся в 56 милл. рублей. В то же время основной капитал, вложенный в сельское хозяйство Сибкрая 1.348 тыс. крестьянских хозяйств исчислялся (по крестьянским бюджетам 1923-24 года) в 820 милл. рублей.

С.-х. уклон сибирской экономики, выделяющий Сибирь среди прочих районов Союза, ярко характеризуется следующими цифрами 1923-24 года, определяющими продажные излишки продукции сельского хозяйства на одну хозяйственную единицу (в довоенных рублях); Западный район — 41,5 руб., Сибирь — 39,3 руб., Центрально-земледельческий район — 30,8 р., Башкирия — 24,5 р., Волжский район — 19,6 р., Северный — 13,0 р., Московский Промышленный — 9,9 р., Волжско-Камский — 4,8 р., Северо-западный — 3,1 р.

С.-х. территория Сибирского края.

Громадная территория Сибирского края используется для земледельческой культуры далеко не полностью. Об'ясняется это как естественно-историческими условиями Сибкрая, не везде допускающими занятие хлебопашеством (приполярный и таежно-заболоченный север, крайний горный юг), так и недостаточной плотностью населения, малонаселенностью ряда районов. Имеют значение и чисто экономические факторы: при отсутствии транспортных средств в удаленных районах нет стимулов к тому, чтобы развивать земледелие.

Между тем территория, возможная для с.-х. освоения, в Сибири весьма значительна.

Северная граница возможного распространения земледелия в Сибири проходит значительно далее, чем современные пределы сибирского крестьянского землепашества. Установить точно северную границу распространения земледелия в Сибири (иногда ее определяют по 60 параллели сев. широты, но это не совсем так) возможно лишь после многолетней работы опытно-исследовательских учреждений. То же можно сказать и о гористом пограничном юге Сибири, где среди горных хребтов встречаются местности, пригодные для хлебопашества и скотоводства.

Общая площадь районов Сибири, в которых сейчас существуют земледелие, как основное постоянное занятие населения, равняется 130 милл. гект.— около полутора милл. кв. клм. (из 4 милл. общей территории края). Не вся, конечно, эта огромная территория возможна для земледельческого использования, так как громадные пространства покрыты непроходимой или заболоченной тайгой, много горных массивов, вообще так называемых „неудобных земель".

Установить точно количество земель, пригодных для земледельческого использования (из общего количества их), весьма затруднительно. Фактически об'ем современного сибирского полеводства может быть определен размерами крестьянского землепользования. Общее количество земель, находящихся в трудовом пользовании населения Сибирского края, определяется в 613,8 тыс. кв. клм. (60 милл. гект.) — 14% общей территории края.

Дальнейшее расширение с.-х. полеводческой территории в Сибири пойдет двумя путями: 1) через заселение „необжитых" районов Сибкрая и 2) через уплотнение населения в „обжитой" полосе Сибири.

Кризис сельского хозяйства в Сибири.

Несмотря на крайне благоприятные условия своего развития, сельское хозяйство Сибири переживает сейчас глубокий внутренний кризис. Этот кризис стоит вне связи с войной и революцией (война и революция лишь обострили его, создали тяжелые формы), т. к. начался он и вполне определенно выявился много ранее (уже в довоенной экономической литературе отмечалось, что сибирское сельское хозяйство вступает в состояние глубокого кризиса).

Знаменитые земельные просторы Сибири обусловили собою общую экстенсивность сибирского полеводства. Отсутствие транспортных возможностей, при громадной удаленности

от мировых рынков, обусловливали потребительское по преимуществу направление сибирского хлебопашества. Истощив плодородие почвы,— то плодородие, о котором за Уралом ходили легендарные рассказы,— сибирский крестьянин с легким сердцем забрасывал распаханные земли в многолетнюю залежь и переходил на разработку новых целин.

Животноводство существовало рядом с хлебопашеством, ни в чем не сталкиваясь с ним, так как земли хватало и для пашни и для выгона и сенокоса. В небольшом товарообороте тогдашней продукции сельского хозяйства продукты животноводства играли даже большую роль, чем полеводческая продукция.

Постройка железной дороги, связавшей сибирского производителя с мировым рынком, спрос на сибирский хлеб и переселение в короткий срок миллионов новых хлебопашцев — вызвали усиленную распашку земель. Скоро земельные просторы (в обжитой, т.-е. легко осваяемой человеком полосе) оказались для многих мест... „воспоминанием прошлого". Долголетнюю залежь население стало частично заменять краткосрочным паром. Другими словами —„залежная система" стала переходить в „залежно-паровую".

Между тем краткосрочный пар несет с собой ряд отрицательных явлений: бурно развиваются сорные травы и понижается урожайность, так как почвы не успевают восстановить своих физических и химических свойств; учащаются неурожаи, так как в сильно распаханной почве мало удерживаются атмосферные осадки и урожаи оказываются в сильной зависимости от колебаний погоды.

Одновременно с развитием запашки и ростом пара шло изменение прежнего соотношения между полеводством и животноводством.

Скотское стадо повсеместно в Сибири росло медленнее, чем посевные площади. На Алтае на сто десятин посева приходилось голов скота в 1887 году 312,5 и в 1917 г.— 213,7; в бывшей Томской губ. (без Алтая) в 1890 г. — 379,3 голов и в 1913 г.— 332,0 голов; в быв. Енисейской губ. в 1890 г.— 457,7 и в 1917 г.— 418,9 голов.

Увеличение распашки шло за счет сокращения выгонных и сенокосных угодий. Тем самым ставились под угрозу кормовые ресурсы животноводства.

В посевном клине преобладающее место заняла пшеница, относительное значение которой беспрерывно увеличивалось, в связи со спросом на нее на рынке. Травосеяние отсутствовало, фуражные культуры (овес, ячмень) по абсолютным размерам их посева росли сравнительно медленно.

Таким образом, в процессе развития сибирского сельского хозяйства столкнулись с одной стороны—зерновые культуры, с другой стороны — животноводство. Развитие того и другого стимулировалось товарным направлением сибирского сельского хозяйства, стремившегося дать наиболее ценную и ходкую на рынке продукцию.

Животноводство давало наиболее ценную и транспортабельную продукцию — масло. Спрос на этот вид животноводческой продукции оказался чрезвычайно велик. В 1894 г. по Сиб. ж. д. было вывезено 400 пуд. масла, в 1907 г. — 2 милл. пуд., в 1913 г. — 5 милл. пуд.

Экономисты Сибири доказывали, что для сибирского производителя выгоднее идти по пути развития животноводства, в частности — по пути создания промышленного маслоделия, т. к. при громадных сухопутных расстояниях, отделяющих Сибирь от мирового потребительского рынка (страны Зап. Европы), Сибири весьма затруднительно конкурировать с американскими хлебоэкспортерами.

Тем не менее, сибирское сельское хозяйство продолжало идти по трафаретным путям количественного развития полеродства, недооценки значения животноводства.

Количественное развитие хлебопашества, расширение площади посева зерновых, по преимуществу культур, сопровождалось неуклонным падением урожайности хлебов в Сибири. Когда-то сибирские урожаи славились своими „сказочными размерами“. Последние десятилетия дают картину резких погодных колебаний величины урожая, в целом характеризующуюся постепенным снижением средних размеров урожайности. (Так, в десятилетие 1896 — 1905 годов средний урожай всех хлебов на территории современного Сибкрая определяется в 53,0 п. с десят., в следующее десятилетие 1906 — 1915 годов — 48,5 пуда и в 1916 — 1923 годах — 42,2 пуда с десятины).

Пути дальнейшего развития сибирского сельского хозяйства.

Выход из современного кризиса передовой агроэкономической мысли Сибири рисуется в виде перехода к паротравопольной системе сельского хозяйства. Значение этой системы Сибкрайисполком в „Предпосылках к генеральному плану реконструкции народного хозяйства Сибкрая“ видит в том, что она „обеспечит укрепление и усиление животноводства, повысит производительность земли и труда, обеспечит производство высокоценных рыночных продуктов“.

Сущность паротравопольной системы заключается прежде всего в перераспределении посевного клина и в изменении

размеров пара. В севооборот вводятся посевные травы, увеличивается доля технических культур и корнеплодов.

С агрикультурной точки зрения (не говоря уже об экономической) развитие посева трав, корнеплодов и технических культур в общем посевном клине имеет огромное значение. Посев кормовых трав является как бы „искусственной и укороченной залежью, восстанавливая силы земли в более короткий срок". В то же время лен великолепно родится на только что поднятых целинах, тогда как получение с них урожая хлебов не всегда бывает успешно.

И кормовые травы и корнеплоды увеличивают кормовые ресурсы в хозяйстве и тем самым помогают животноводству занять утраченное место в общей структуре хозяйства сибирского крестьянина.

По словам одного официального автора, „травополье принимается и хозяином, который от разговоров переходит к реорганизации хозяйства на основе травополья. На 1 октября 1925 г. травопольных севооборотов было введено 642 на площади 109,8 тыс. дес.; за один истекший год (на 1 октября 1926 г.) введено 652 севооборота на площади 108,3 тыс. дес. Всего, таким образом, по Сибири значится 1294 севооборота, на площади 218,1 тыс. десятин. Это ничтожный процент по сравнению со всем сибирским хозяйством, но это огромное достижение в сравнении с тем, что было".

Тот же автор сообщает, что за один 1925/26 г. площадь посева трав увеличилась на 72% по сравнению с предшествующим годом, что крестьянством был пред'явлен спрос на семена трав, который был удовлетворен лишь наполовину.

Генеральным планом реконструкции сибирского сельского хозяйства в ближайшие 5 лет (1927—1931 г. г.) предполагается поднять проц. хозяйства, введших травосеяние в севообороты, с 2,8 (1926 г.) до 6,4% (1931 г.). В посевном клине проц. трав предполагается поднять с 0,4 (1926 г.) до 3,1% (1931 г.).

Развитие посевов технических культур и корнеплодов является очередной задачей ближайших лет. Для развития технических культур в Сибири имеются все данные. С одной стороны, они в такой же степени имеют спрос на рынке и удобны для перевозки, как и пшеница, основная товарная культура Сибири; с другой стороны, как культуры весьма трудоемкие и легко прививающиеся на таежных целинных почвах, такие культуры, как лен и конопля, имеют несомненное будущее в районах предстоящей колонизации.

В соответствии с этим генеральный план в ближайшие 5 лет предполагает поднять процент технических культур в сибирском посевном клине с 2,9% (1926) до 3,5% (1931 г.).

Усиление в посевном клине корнеклубнеплодов связано с развитием молочного хозяйства и свиноводства. Процент картофеля по генеральному плану за 5 лет должен повыситься с 1,2 до 1,4%. Увеличение посева трав, технических культур, корнеплодов, а также небольшое усиление относительного веса овса (с 21,4 до 22,7%), пшеницы (с 52,2 до 53,2%) в пятилетнем плане идет за счет ржи (снижающейся с 14,4 до 10,5%), ячменя (вместо 4,4—3,1%) и крупяных (вместо 2,2 — 1,9%).

В отношении только что поименованных культур необходимо принять во внимание, что рожь является только потребительской культурой, ячмень в условиях Сибири в некоторых районах относится к продовольственным культурам, крупяные — культуры малоценные, не экспортабельные.

На кризисе сибирского полеводства и животноводства отразилась также и агрикультурная отсталость сибирского крестьянства.

Правда, сибирский крестьянин в отношении общей машинизации его хозяйства, снабжения с.-х. инвентарем ушел далеко вперед сравнительно со своим российским собратом. Но все же современное машиноснабжение сибирской деревни еще недостаточно в сравнении с потребностью.

Сибирского землероба одолевают сорные травы, разные вредители, посевной материал низкосортен. Особенно важно последнее, так как значение семенного материала для будущего сбора не нуждается в пояснениях.

В животноводстве сибирский крестьянин приносит себе очевидный убыток плохим уходом за скотом. Скот проводит зиму в холодных помещениях, неотопленных сараях, зимние кормы скота очень скудны, не производится улучшение породы (как в полеводстве — низкосортные семена, так и здесь — плохие производители). В результате сибирский хозяин имеет плохой (маловесный) скот, низкосортное мясо, малые удои молока.

Говоря об экстенсивности сибирского сельского хозяйства, о необходимости известных агрикультурных мероприятий, необходимо иметь в виду еще одно характерное для Сибири явление — сибирское „дальноземелье“.

„Современная многодворная сибирская деревня с ее дальноземельем и чересполосицей является огромным тормозом к интенсификации хозяйства“ (Осипов).

Особенно крупные размеры имеют старинные старожильческие селения. В Сибири не редки селения в несколько сот дворов, растянувшиеся не на одну версту; ясно, что в таких селениях весьма затруднительно унаваживание, возделывание корнеплодов и проч.

В целом, реконструкция сибирского сельского хозяйства должна идти не только по пути проведения паротравопольной системы хозяйства, но и в целой совокупности сопутствующих мероприятий.

Такими мероприятиями будут: а) устранение дальноземелья и чересполосицы в землепользовании, другими словами — землеустроительные мероприятия, курс на мелкопоселковое землеустройство, на свободный выход из общины, б) смена крестьянского посевного материала, внедрение в массовое крестьянское хозяйство чистосортного материала, в) снабжение крестьянства с.-х. машинами, в частности большая тракторизация сибирской деревни, г) улучшение племенного состава стада путем устройства случных пунктов, отбора и премирования производителей, метизации пород и т. п., д) агропропаганда, агропомощь, зоотехническая и ветеринарная помощь населению в целях распространения улучшенной обработки почв, улучшение ухода за скотом и т. д.

Существующие посевные культуры необходимо дополнить еще одной, вопрос о которой спорадически выплывает на горизонте сибирского хозяйства. Мы говорим о культуре свеклы, как основы будущей сахарной промышленности. Неоднократные попытки насаждения сахарной промышленности в Сибири до сих пор кончались безуспешно исключительно из-за организационной неумелости инициаторов и из-за отсутствия у них средств для широкой постановки дела.

В настоящее время от теоретических рассуждений Сибирь переходит к первым реальным шагам: в 1927 г. в Алейский район Барнаульского округа прибыла первая партия переселенцев из Украины, чтобы заняться посевами свеклы для будущего сахарного завода. Районами „сахарных плантаций“ в Сибири на ближайшее время повидимому будут Алтай и Минусинский округ.

Но при всем своем возможном (и необходимом) развитии, эта отрасль полеводства вряд ли займет крупное место в общей экономике сибирского сельского хозяйства, так как продукция ее будет иметь исключительно внутрисибирский сбыт.

В отношении животноводства необходимо еще остановиться на современном видовом составе сибирского стада.

В 1926 г. на сто голов скота в среднем по Сибирскому краю приходилось: лошадей 16,7 гол., крупного рогатого скота 27,0 гол., мелкого (овец и коз) 46,0 гол., свиней 9,8 гол. В 1913 году на сто голов скота приходилось лошадей 24,0 гол., крупного рогатого скота 32,0 гол., мелкого скота 31,7 гол. и свиней 11,8 гол. Как видно из приведенных цифр, удельный

весь мелкого скота вырос за счет лошадей (в меньшей степени — крупного рогатого скота и свиней).

Если взять по отдельным видам скота цифры, характеризующие отношение современных размеров сибирского стада к максимальным довоенным цифрам (1916 г.), окажется, что мелкий скот увеличился в полтора раза (52,1% прироста), крупный рогатый скот дошел до максимальной довоенной величины, немного не дошло до максимальных довоенных размеров свиноводство (менее на 6,7% в сравнении с 1916 годом) и значительно не достигло максимальных довоенных размеров конское стадо (менее на 15% в сравнении с 1916 годом).

Относительное сокращение размеров коневодства против довоенного соотношения не внушает больших опасений, так как, во-первых, сибирское дальноземелье, необходимость преодоления больших пространств до городов, базаров, ж.-д. станций и пристаней вынуждали сибирское население держать большое количество лошадей, превышающее нужды сельского хозяйства; во-вторых, возрастный состав конского стада, сложившийся в порядке восстановительного процесса к 1926 году, обеспечивает не только полный ремонт, но и дальнейший рост конского стада.

Сибирское коневодство имеет не только внутрисибирское использование для нужд сельского хозяйства и транспорта, но также представляет собою и рыночную ценность, участвует в товарообороте Сибирского края с другими районами Союза.

Наркомзем предусматривает в ближайшее десятилетие ежегодный вывоз из Сибири по сто тысяч голов лошадей для удовлетворения нужд поволжских губерний. Кроме того, спрос на сибирскую лошадь пред'являет и Красная армия. Так, в 1926 году из Сибири было вывезено за Урал 73 тысячи лошадей.

Крупный рогатый скот имеет основное значение в составе сибирского стада. Если лошадь является рабочею силой сибирского крестьянина, то крупный рогатый скот дает ему главную массу товарной продукции всего животноводства.

Вопросы товарности — рыночные моменты — предопределяют развитие всего сибирского скотоводства в молочном направлении. В отдельных районах за скотоводством, быть может, еще долго сохранится мясоубойное значение, но в конце-концов и в этих районах молочное скотоводство будет вытеснять чисто мясное.

Очередною задачей ближайших лет является увеличение процента коров в общем стаде крупного рогатого скота и поднятие продуктивности сибирской коровы посредством рационализации кормления, содержания и ухода. Генеральным планом Сибкрайисполкома, как результат ряда рационализаци-

онных мероприятий, предусматривается повышение удойности сибирской коровы через пять лет в среднем по Сибкраю на 30 с лишним процентов — с 45 до 61,6 пуда молока в год.

Овцеводство в Сибири сейчас носит преимущественно потребительский характер, участвуя в товарообороте мясом, кожей и шерстью (сравнительно в малой степени). Бурный рост овцеводства в 1923-1926 г. об'ясняется рядом преходящих причин. В дальнейшем Сибирь заинтересована не в продолжении бурного роста общих размеров сибирского овцеводства, а в улучшении породы для снятия лучших сортов шерсти.

В отдельных районах Сибкрая (Ачинский, Минусинский, Рубцовский, Славгородский, Омский округа, Ойротия) имеются возможности насаждения мериносового овцеводства. В остальных районах возможно улучшение существующего грубошерстного овцеводства путем метизации с улучшенными породами.

Количественное восстановление свиноводства, как и крупного рогатого скотоводства, можно считать почти законченным. Сам по себе рост свиноводства после упадка 1921-1923 г.г. обогнал рост крупного рогатого скота, в частности коров.

Значительный темп роста сибирского свиноводства должен сохраниться на предстоящие годы, так как свиноводство в связи с экспортными перспективами является одной из основных товарных отраслей животноводства и так как предполагается, что развитие маслоделия и введение травополья создадут весьма благоприятные условия для развития сибирского свиноводства (усилением посева корнеплодов и увеличением количества отбросов).

Рыболовство и охота, их кризис и пути выхода.

Значительное количество больших водоемов (озер) и рек, прилегание к океану (хотя бы и к Северному Ледовитому) предопределяют богатства Сибкрая рыбой. Можно предполагать, что в сибирской экономике рыболовство играет видную роль. Этого, однако, нет. Довоенный улов рыбы во внутренних водах Сибири составлял всего лишь 2% от общего рыбного улова России (1913 год). В последующие годы рыбный улов пал еще ниже, понизился также и процент участия Сибири в общесоюзной добыче рыбы (до 1,5% в 1921-22 году).

Сибирская Ихтиологическая лаборатория определяет рыбную продукцию водоемов, входящих в состав Сибирского края, в 35 тыс. тонн, или 2 миллиона пудов. Основными рыбопромысловыми единицами в этом подсчете являются: Обь с Иртышем (без низовьев, составляющих часть Уральской

области — Тобольский север), Енисей (главным образом, Туруханский край), Чанско-Барабинский озерный бассейн и Байкал с системою впадающих в него рек. Фактическая добыча рыбы в водах Сибирского края не превышает сейчас 20 тысяч тонн, т.-е. ниже возможного улова на 40%.

Слабое развитие сибирского рыболовства об'ясняется, во 1-х, вообще слабой продуктивностью вод севера и, во 2-х, географическим положением большинства промыслов (разбросанность, изолированность, недостаток промыслового населения, отсутствие удобных путей сообщения).

Значение транспортной связи для развития рыболовства ярко характеризуется примером из истории развития рыбопромышленности на нижнем Енисее: в 1906 году было организовано срочное казенное пароходство в устья Енисея, и размеры добычи рыбы в Туруханском крае уже на следующий год сделали громадный скачек.

Недостаток промыслового населения об'ясняется тем, что север занят немногочисленными туземными племенами, вследствие чего, например, в Туруханском крае приходится прибегать к сезонному ввозу русских промысловых рабочих.

Сибирское рыболовство не только слабо количественно по сравнению с другими рыбопромышленными районами Союза, но обнаруживает к тому же все признаки падения. В некоторых водоемах за короткий срок падение добычи рыбы получило резко выраженный характер. Так, река Ангара еще в конце прошлого столетия давала 70 тысяч пудов красной рыбы, а сейчас добыча рыбы в Ангаре едва достигает 5 тысяч пудов.

Это падение об'ясняется хищническим истреблением рыбы, применением нерациональных приемов, отсутствием учета потребности в восстановлении рыбных ресурсов. Будущее сибирской рыбопромышленности заключается в интенсификации рыболовства, в рациональной организации его.

На рыболовство должно быть обращено внимание, так как, во-первых, оно играет видную роль в хозяйственном быте туземных народностей сибирского севера, во-вторых, служит видным источником питания для всего вообще населения Сибири, в третьих, дает экспортную продукцию, в четвертых, количественная слабость сибирского рыбного хозяйства компенсируется высокими качествами сибирской рыбы.

Знаток сибирского рыбного хозяйства А. И. Березовский пишет: „качественные достоинства сибирского рыбного сырья настолько высоки, что при рациональном подходе к организации обработки его обеспечена рентабельность хозяйства"*).

*) Тезисы к докладам на 1-ом Сиб. Краевом Научно-Исследовательском с'езде в декабре 1926 г.

Исключительные богатства Сибири лесом обусловливают богатства Сибири пушным зверем и пернатой дичью. Погоня за „мягкой рухлядью“ (пушнина) была стимулом для завоевания Сибири русскими и в дальнейшем продолжала стимулировать колонизационное продвижение русских „вольных“ людей за Урал. В сибирской экономике пушная торговля, экспорт мехов за пределы Сибири, заняла видное место.

По некоторым видам пушного зверя Сибирь стала на мировом рынке даже монополистом. Для некоторых категорий сибирского населения (туземцы севера, отчасти юга Сибири) охота являлась и является исключительным источником существования. „Охотничьи угодья на территории Сибирского края занимают площади в 300 миллионов гектаров, в большинстве случаев не пригодные под другие виды эксплоатации. (Ю. А. Кудрявцев*).

Установить точно размеры пушной продукции Сибири в довоенное время весьма затруднительно. С. Нодель определяет ценность годового сбора пушнины на территории Сибири (для 1913 года) в 60-80 миллионов руб.**).

Одно несомненно в истории сибирского охотничьего промысла — его падение, продолжающееся ряд столетий и чем далее — тем с большею интенсивностью. Не останавливаясь на более далеких (и к тому же спорных) цифрах, приведем данные, относящиеся к последним годам:

	1922-23 г.	1923-24 г.	1924-25 г.	1925-26 г.
Заготовлено пушнины в беличьих единицах . .	9,3 милл.	7,8 м.	5,7 м.	5,3 м.
Тоже в %%:	100%	83,8%	61,3%	59,9%
Заготовлено пушнины на сумму в рублях. . . .	10,7 м. р.	8,9 м.	6,6 м.	6,1 м.

Очевидно, недалеко то время, когда пушные богатства Сибкрая станут совсем „преданьем старины глубокой“.

Падение рыболовства и звероловства — явление, свойственное не одной только Сибири.

Западно-европейские экономисты недаром причислили охоту и рыболовство к типу „истребляющего“ хозяйства, т.-е. такого вида человеческой деятельности, которая по природе своей является хищнической.

Но та же западно-европейская и американская практика показывает, что в силах и возможностях человека предотвратить истребление зверя или рыбы: 1) охраною их в период размножения, 2) организацией звероводства и рыбоводства.

*) Доклад на 1 Сиб. Краев. Научно-Исслед. с'езде.
**) Журн. „Жизнь Сибири“ 1923 г.

Промышленное рыболовство уже существует и быстро развивается в Соединенных Штатах, в Норвегии, в Швеции, Дании, Швейцарии, Японии. Экономическая целесообразность его доказана вполне. Организация чрезвычайно проста и несложна.

Промышленное звероводство буквально на наших глазах приходит на смену звероловству с его многовековой историей. И в этой области мы прежде всего имеем блестящий опыт Северной Америки — Соединенных Штатов и Канады.

В Соединенных Штатах на Аляске за один только 1923 год питомниками голубых песцов от продажи шкурок убитых зверей было получено 3,5 миллионов долларов чистой прибыли. Канада в 1923 году имела 1179 одних только лисьих питомников, от продажи живых зверей и шкурок за год всеми питомниками Канады было выручено 2,1 миллонов долларов, во всех питомниках Канады содержалось 40 тыс. зверей.

За Канадой и Соединенными Штатами идут и др. страны. За последние годы серебристых лисиц стали разводить во Франции, Северной Шотландии, в Австрии.

России и Сибири также знакомо промышленное звероводство. Но у нас оно не получило такого широкого распространения, как у предприимчивых американцев.

До войны в России насчитывалось до 30 частных лисьих питомников. В Сибири были организованы правительственные соболиные питомники на Саянах и около Байкала. В настоящее время вопрос о пушных питомниках снова становится в центре внимания.

Но пока питомник Иркутского университета, частный песцовый питомник в Туруханском крае и несколько более мелких попыток — исчерпывают современную постановку проблемы промышленного звероводства в сибирских условиях. Между тем в этих попытках все будущее сибирского охотничьего дела. Что к промышленному звероводству можно привлечь местное население,— показывает мараловодство, развившееся на Алтае в очень короткий срок.

Наряду с промышленным звероводством, конечно, должна итти и общая рационализация охотничьего дела в виде кооперирования промышленников, снабжения их оружием и огнеприпасами, замены устаревших и хищнических орудий лова, наконец, организации заказников для накопления зверя.

Близко к охоте стоит на крайнем севере Сибири оленеводство и на юге Сибири — мараловодство.

Оленеводство на крайнем севере существует многие века и является одним из основных элементов в хозяйственном быту туземного населения, так как олень дает туземцу и пищу (молоко, мясо), и материал для постройки жилищ, для

шитья одежды и обуви (шкура), служит средством передвижения. Охота на севере невозможна без кочевок, а последние невозможны без оленя.

Как и охота, оленеводство испытывает серьезный кризис. Из этого кризиса оно должно быть выведено. Помимо промыслово-потребительской роли в хозяйстве туземцев, оленеводство может, как показывает опыт других стран, давать значительную товарную продукцию.

ГЛАВА IV.

Поворот к индустриализации.

> „На завоевание основных предпосылок к индустриализации должны быть направлены все усилия Под именем индустриализации понимается развитие крупной и мелкой промышленности, или иными словами,— развитие производительной деятельности по переработке надземного и подземного сырья в полуфабрикаты и фабрикаты. В основном, выгоды индустриализации сводятся к вовлечению в производство более значительных рабочих масс, к получению более дорогих продуктов, способных переносить переброску на более отдаленные рынки и к использованию на месте побочных продуктов и отбросов".
>
> Н. Новомбергский. „О построении генерального плана развития народного хозяйства Сибкрая".

Значение индустриализации для Сибкрая.

Индустриализация не есть только процесс постройки мощных фабрик и заводов по последнему слову техники. Под индустриализацией необходимо понимать сложный и значительный общественно-экономический процесс, в котором выявляется определенная тенденция. Для Сибири эта тенденция значит: 1) подойти ближе, чем это делается сейчас, к использованию громадных естественных богатств; 2) в экспорте перейти к вывозу сырья в возможно более ценном виде, в частности в состоянии полуфабрикатов; 3) потребности местного населения в готовых фабрикатах удовлетворить, где это окажется возможным и экономически целесообразным, за счет местной промышленности.

Для Сибири не случайными являются современные разговоры об ее индустриализации. Тенденция к индустриализации сибирского хозяйства начала проявляться уже в последние довоенные годы в условиях частнокапиталистической промышленности.

Теперь, когда от анархического частнохозяйственного строительства мы перешли к государственному плановому, идея индустриализации сибирского хозяйства должна получить четкое выражение и практическое оформление.

К этому понуждает и тот кризис, к которому мы пришли в результате послевоенной разрухи во многих областях экономической деятельности.

Нам нужно возможно быстрее накопить капитал для хозяйственного строительства. Этот капитал даст нам экспорт. Но не тот экспорт, который ведется сейчас, при котором нам недоплачивают миллионы и десятки миллионов. Нам нужен экспорт, которому предшествует индустриализация сельского хозяйства, увеличивающая и количество сырья и его рыночную ценность.

Нам нужно удовлетворить промышленными фабрикатами товарные потребности населения края. Растет население, растет его покупательная способность, и предложение промтоваров на рынке отстает от спроса на них со стороны населения. Современная индустрия Союза (его Европейской части) не в состоянии удовлетворить этот спрос. Удовлетворение его возможно лишь путем нового промышленного строительства. А раз строить заново — надо строить рационально, около мощных сибирских запасов сырья, угля и пр.

Нам нужно заселить безлюдный край, призвать к жизни громадные пространства, неоплодотворенные еще человеческим трудом. С этим нашим стремлением совпадают интересы Европейской части Союза, заинтересованной в изжитии аграрного перенаселения в целях правильного развития всего народного хозяйства. Одно сельское хозяйство в районах, намечаемых для колонизации, не может это сделать — очередь за промышленностью; необходимо, стало быть, индустриализировать сибирскую тайгу для того, чтобы заселить ее.

Все эти соображения ясно показывают, что Сибири нужна индустриализация и что она в ней будет. К этому приводит нас и анализ всего развития народного хозяйства Сибирского края за последние 3-4 десятилетия и ряд последних постановлений советской власти.

„Зеленый уголь“ Сибири.

В ряду естественных богатств Сибирского края, наиболее легко поддающихся эксплоатации, первое место занимают леса. Площадь лесов Сибирского края громадна — по ориентировочным исчислениям, она определяется в 2,5 милл. кв. клм. (т.-е. более половины территории Сибкрая). Эта площадь не представляет собою сплошного лесного массива,

прерывается болотами, водоемами, горными обнажениями, а потому „удобной лесной площади" надо считать вдвое менее (1.313,7 тыс. кв. клм., по исчислению Сибкрайземуправления). По абсолютным своим размерам лесная площадь Сибкрая больше лесной площади Канады и лесной площади Соединенных Штатов.

Но недостаточно обладать крупною лесною площадью. Необходимо, чтобы эта лесная площадь представляла вполне реальную величину в смысле ее ценности для эксплоатации и чтобы сама по себе эксплоатация лесов была надлежаще поставлена.

Что представляют собой сибирские леса? Незадолго до войны один сибирский лесничий писал, что „леса Сибири представляют собою сказку", манящую издали, но исчезающую, как мираж, при более близком ознакомлении. В недавнее время другой автор подвергал, как он выразился, „дискуссии" данные относительно сибирских лесов и также выразил сомнение в их мощности и качестве.

Бесспорно, однако, что и при самых осторожных расчетах, при минимальном проценте удобной лесной площади, подвергая эксплоатации лишь удобно расположенные массивы, мы все же в Сибкрае располагаем богатейшими возможностями для лесоэксплоатации.

Основной вопрос — не в количественных размерах сибирских лесов, не в вопросе о реальности расчетов по возможному лесоотпуску, а в рынках сбыта и в формах лесоэксплоатации.

Использование леса возможно в трех основных формах: а) простейшая форма — лесорубочные операции: заготовка дров, шпал, круглого леса; б) механическая обработка дерева — распиловка ручным и машинным способом, различные деревообделочные ремесла и промыслы; в) химическая переработка в виде лесохимических промыслов и сложных лесохимических предприятий.

В общей экономике Сибири удельный вес различных форм лесоиспользования, связанных с внутренним потреблением, крайне не велик. Абсолютные величины лесозаготовок определяются количеством населения, потребностями сельских и городских поселений, почтово-телеграфного ведомства, железной дороги, отчасти копей и некоторых фабрично-заводских предприятий.

Лесопильная промышленность Сибири, работающая только на внутрисибирский рынок, не может иметь значительных размеров. Для развития лесопромышленности за рамки нынешнего состояния необходимы внешние рынки. Есть ли они?

Прежде всего внешние рынки сбыта для сибирского пиленого леса — рядом: Казакстан, Туркестанские республики. Строящаяся Семипалатинск-Семиреченская железная дорога открывает блестящие перспективы для сбыта сибирского леса. Потребность Средней Азии в лесных материалах, по имеющимся расчетам, весьма значительна. Конкурентом Сибири для части Казакстана может быть лишь Урал.

Затем идет мировой лесной рынок. Знакомство с ним сибирского леса началось очень поздно, в самые последние довоенные годы. В 1912 году представительство английской фирмы в Петрограде заказывает в Сибири 200 вагонов соснового и 100 вагонов кедрового леса для вывоза за границу. В последующем 1913 году организовавшееся для эксплоатации Северного морского пути Северное товарищество (Лида) вывозит через устье Енисея до 130 тыс. кубо-фут строительного леса. В 1914 году то же товарищество приступает к заготовке в Приенисейском крае 10 тыс. кедровых бревен с целью их экспорта и к постройке под Енисейском лесопильного завода специально для распиловки экспортируемого за границу леса (Маклаковский лесопильный завод, сгоревший в 1923 году).

Война прервала экспортные операции с сибирским лесом. Эти операции возобновляются лишь в 1924 году, когда Аркос через устье Енисея вывез на лондонский рынок 750 стандартов лесоматериалов. Этот первый в советское время опыт с сибирским лесом вызвал большое внимание со стороны лондонского рынка и в последующие годы заказ на приенисейский лес был увеличен до 1000 и 1500 стандартов.

750-1500 стандартов — все это величины слишком незначительные в сравнении с возможностями отпуска леса из Сибири. На мировом лесном рынке такая величина, можно сказать, „не чувствуется“. Между тем, мы безусловно можем рассчитывать на мировой лесной рынок в значительной степени.

В довоенное время Россия, будучи первою в мире страною по лесным богатствам, равнялась по сумме лесоэкспорта с маленькими Швецией и Норвегией. В 1913 году вывоз леса из России исчислялся в 165 милл. руб. В том же году Соединенные Штаты выбросили на мировой рынок леса на общую сумму в 230 милл. рублей.

В послевоенное время лесная кон'юнктура значительно изменилась в нашу сторону. Вот что писал по этому поводу в 1921 году проф. Огановский*)

*) „Нар. хоз. Сибири“—Омск. 1921 г.

„Война истребила огромные количества лесного материала в Европе. В одной только Польше сгорело до 30 тыс. деревень. Во Франции выжжено до тла 7 северных департаментов. Сколько дерева пошло на сооружение блиндажей и окопов, сколько деревянных пароходов и барж очутилось на дне морском — сосчитать нельзя. Между тем, из стран, снабжавших Европу лесом прежде, необходимо исключить Швецию и Норвегию, вывоз которых стал падать еще до войны за истощением лесных богатств... В Австро-Венгрии леса сильно поредели благодаря войне... Наконец, в Соединенных Штатах Америки за время войны истреблено леса втрое больше, чем его вырастало вновь".

Все это дает нам перспективы для нашего сибирского лесоэкспорта. Частью он пойдет по Северному морскому пути. Казалось бы, это самый естественный для лесоэкспорта путь. Но, к сожалению, этот путь открыт лишь на весьма короткое время арктической навигации, и вследствие этого, если пользоваться только им, получается очень медленный оборот капитала. Отсюда неизбежность пользоваться для лесоэкспорта железнодорожным транспортом.

Железнодорожный путь для сибирского леса пока открывается лишь на Ленинград, т.-е. слишком велик и для леса затруднительно выдерживать современные фрахты. Необходимы более короткие выходы к морю (проекты ж.-д. линий, связывающих Сибирь с незамерзающими портами Ледовитого океана, в обход карских льдов) и специальные сниженные лесные тарифы.

За всем тем механическая обработка дерева в экспортных целях, даже при полной ее налаженности, не разрешает удовлетворительно вопроса об использовании сибирских лесов.

Прежде всего — при механической обработке древесины 50% ее пропадает даром (т. н. „отходы"), уже тем самым повышая себестоимость единицы продукции, выходящей в результате распиловки.

Затем, механическая обработка древесины в конечном итоге дает продукцию мало-транспортабельную, громоздкую для перевозок и относительно малоценную (тарифы ложатся на нее значительными накладными расходами).

Тот и другой недостаток устраняются при переходе на химическую обработку древесины.

Западно-европейская и американская техника давно оценили экономическое значение лесохимической промышленности. Область распространения ее беспрерывно расширяется, а прогресс техники все более и более увеличивает возможность извлечения из древесины высокоценной продукции.

Так, одна только сухая перегонка дерева дает свыше 70 ценных химических продуктов.

Химическая обработка дерева важна еще в том отношении, что она допускает как примитивные, широко доступные всем кустарные формы, так и высоко развитые, технически усложненные формы промышленности.

Кустарная обработка древесины дает смолу, скипидар, деготь, уголь, хвойные масла, канифоль, вар и проч. При более высоких формах лесохимического производства получается древесный спирт, формалин, уксусная кислота. Еще более усложняя и интенсифицируя обработку, получаем: хлороформ, креозот, гваякол и ряд других продуктов. При химической переработке древесины на специальных заводских предприятиях получается целлюлоза, бумага, в последнее время стало развиваться производство искусственного шелка.

Для лесохимической продукции в полной мере обеспечен сбыт. Прежде всего — на внутреннем рынке, так как потребность крестьянского хозяйства в дегте, смоле и проч. значительна и постоянна. Такие предметы, как формалин, разные снотворные и антисептические продукты, хлороформ, креозот и т. д. всегда в значительном количестве ввозились к нам из-за границы. Из-за границы ввозилась также бумага, так как отечественного производства ее было недостаточно для внутреннего потребления.

В древесном угле, как топливе, испытывал и испытывает потребность горно-заводский Урал (ему нет смысла тратить на углежжение высокосортные строительные леса Тавдинского и других приуральских районов, рациональнее получать древесный уголь из лесов Западной Сибири, не отличающихся значительными строительными достоинствами).

Большой спрос на лесо-химическую продукцию пред'являет и мировой рынок. При высокоценности и транспортабельности этого вида лесной продукции, есть все данные для того, чтобы развить в Сибкрае лесохимическую промышленность наравне с лесомеханической (и даже в большей степени).

Уже в довоенное время в Сибири начали развиваться некоторые простейшие лесохимические производства в виде кустарных промыслов. Стихийно возникли и развились эти промыслы на Алтае, в Приенисейском и Приангарском районах. Бывшее Переселенческое Управление учло значение этого вида промыслов в хозяйстве переселенцев, заброшенных в глухую тайгу, и занялось насаждением среди переселенцев ряда лесохимических производств, пыталось рационализировать и поддержать эти промыслы устройством показательных

заводов, организацией сбыта продуктов и проч. („Тарские Урманы").

Частный капитал также заинтересовался лесохимическим производством: в 1915-1916 году было приступлено к постройке большого лесохимического завода на Алтае, а в Красноярске создалась акционерная компания по постройке такого же завода на Енисее.

Империалистическая и гражданская война подорвали существование и развитие лесохимических производств в Сибири. Но после военного перерыва они начинают снова оживать.

Так, в последние годы особенно бурное развитие начинают получать заводы по выработке пихтового масла. В связи с об'явленным Госторгом приемом пихтового масла и легкостью оборудования пихтогонных предприятий,— последние растут, как грибы, по всей таежной полосе Сибкрая. Но по более сложной технически-высокой химической переработке древесины до сих пор в Сибири ничего не делалось. Дело это сложное, требующее большой опытности при постановке и больших средств.

Особую судьбу имел вопрос о насаждении в Сибири целлюлозно-бумажной промышленности. Этим вопросом уже давно интересовался ряд русских и иностранных капиталистов. К моменту об'явления войны в Томске был выстроен корпус бумажной фабрики, но приступить к машинному оборудованию ее и к работе не пришлось, вследствие войны. В настоящее время поставлен вопрос об организации на территории Сибкрая двух писчебумажных фабрик. В 1927 году производились специальные изыскания для выбора наилучшего места для первой из них.

Сибирь—„золотое дно".

Старое давнее представление о Сибири, как о „золотом дне", имеет под собою весьма солидное основание. Наименование „золотого дна" приложимо к Сибири не только в широком переносном смысле, но и в буквальном его понимании.

Перечисление обнаруженных, т.-е. вполне определенно выявленных и в той или иной степени подвергавшихся эксплоатации месторождений золота — как в рудной форме („жильное золото"), так и в рассыпной („золотоносные пески") — заняло бы очень много места, а показания золота испестрили бы всю карту Средней и Восточной Сибири.

признававшихся истощенными, невыгодными для эксплоатации. Сибирская золотопромышленность снова оживает. Наиболее интенсивная разработка переносится при этом на восток, в бассейн Лены с ее притоками и в Амурскую тайгу.

Всего за время своей разработки Томско-Алтайский район дал 6 тыс. пуд. золота, Енисейский за 67 лет — 26 тыс. пуд. и Ленский (по 1924 г.) — 36 тыс. пуд. В 1913 году из всей добычи золота на территории довоенной Сибири (т.-е. от Урала до Великого океана) на Ленско-Витимский район падало 45% и Северо-Енисейский — 8%.

1/5 всей добычи золота в Ленско-Витимском округе падало на прииски акционерной компании с преобладающим английским капиталом — „Ленского золотопромышленного товарищества".

В 1920 году все золотопромышленные предприятия Сибири были национализированы. Продовольственные затруднения этого и последующего года привели к тому, что приисковое дело вступило в полосу кризиса. У государства не было средств на восстановление оборудования (были более актуальные участки хозяйственного строительства). Производительность приисков пала до минимума.

В 1921 году золотопромышленность была выделена в тресты, кроме того была об'явлена свобода частного золотоискательства, приняты меры к сдаче в аренду мелких приисков, вообще был проведен ряд поощрительных мероприятий по отношению к мелкой золотопромышленности.

С осени 1925 года Ленские золотопромышленные прииска были переданы в концессию иностранному (английскому) акционерному товариществу „Лена Гольдфильдс Лимитед".

Прежняя добыча золота в Сибири может быть охарактеризована, как хищническая. В самом деле, она всецело строилась на исключительном богатстве по содержанию золота эксплоатируемых песков. Промытые пески бросались, как только становилась затруднительна их эксплоатация при ручной промывке. Отправлялись дальше искать слепого счастья, между тем как в песках еще оставалось достаточно золота.

Драги, различные гидравлические способы позволяют исчерпать до отказа золотоносную площадь, делают возможною эксплоатацию золотоносных площадей и при малой относительно их золотоносности.

Отсюда все будущее сибирской золотопромышленности определяется последующей ее механизацией. Ряд мер в этом направлении (неизбежно связанных, конечно, с затратою крупных капиталов) создадут расцвет сибирской золотопромышленности даже на уже открытых и изведанных золотопромышленных площадях (А кроме того, не исключается возмож-

ность открытия и новых неведомых еще никому золотоносных площадей, подобно тому, как несколько лет тому назад был открыт Алдан).

Значение золотопромышленности в хозяйстве Сибири весьма значительно: 1) золотопромышленность дает весьма ценную продукцию валютного характера, 2) охватывает глухие таежные районы, где невозможна сельско-хозяйственная культура, 3) вместе с тем, оживляет и прилегающие районы, создавая из них с.-х. плацдарм для приисковых районов.

Сибирь — „Советский Рур".

Сыздавна Сибирь привлекала к себе внимание и славилась соболями и золотом. Но прошли десятилетия, столетия и в сибирской экономике вместо пушнины и золота первенствующее место занял совсем не блестящий, грязный и дешевый (на вес) ископаемый продукт.

Каменноугольные богатства Сибири стали ценить и подвергать интенсивной разработке и эксплоатации лишь в самое последнее время, когда к этому появились достаточные экономические предпосылки.

Между тем, эти богатства велики, скажем прямо — колоссальны. Весь СССР в целом по размерам учтенных запасов каменного угля стоит на четвертом месте в мире. Свыше 80% угольных запасов Союза падает на сибирские каменноугольные бассейны.

Проблема развития сибирской каменноугольной промышленности, использования колоссальных возможностей, которые сулят громадные угленосные площади, связана, во-первых, с количеством рабочих рук (т.-е. в сибирских условиях наталкивается на крайне малую населенность многих ее районов), во-вторых (и главным образом), связана с проблемой сбыта добытого угля.

Внутрисибирское потребление не может быть значительным. До сих пор основным потребителем была железная дорога. Водный транспорт довольствуется древесным топливом и в очень небольших размерах работает на каменном угле. Фабрично-заводская обрабатывающая промышленность, различные индустриальные предприятия (в том числе городские электростанции), работающие на угле, — немногочисленны, да и при самом большом темпе индустриализации Сибири все равно не смогут исчерпать колоссальных угольных богатств.

Возникает вопрос о возможностях экспортирования сибирского угля за пределы Сибири. Экспорт этот возможен по двум направлениям: за границу и в другие районы Советского Союза.

Об экспорте за границу не приходится говорить, так как наш уголь, издалека вывезенный по жел. дор., не сможет по цене конкурировать с углем, привезенным морским путем или из более близких районов, а главное—пока мировой рынок не ощущает острой нужды в нашем угле. (Рано или поздно, конечно, и он обратится к нам за углем, т. к. мировые запасы угля ограничены и быстро истощаются).

Что же касается других районов нашего Союза, то в отношении их для сибирского угля складывается чрезвычайно благоприятная обстановка.

Основной угольный район Союза — Донбасс, обладая значительно меньшей мощностью, чем сибирский Кузбасс, в связи со своим географическим положением эксплоатировался чрезвычайно интенсивно. Добыча угля в Донбассе с 86 миллионов пудов в год в 1880 г. поднялась до 1543 миллионов пудов в 1913 г. (составив в 1913 г. 87% от всей добычи каменного угля в России).

В 1920 г. добыча угля в Донбассе в связи с послереволюционными и в частности продовольственными осложнениями пала до 273 миллионов пудов, но затем, постепенно поднимаясь, дошла до 754 милл. пуд. к 1925 г., то-есть восстановилась на 50% довоенных размеров. Подняться выше она не смогла, между прочим, в связи с тем, что запасы угля в Донбассе стоят под сильной угрозой истощения. Госплан формулировал тревогу за Донбасс в следующих выражениях: „перед страной отчетливо вырисовывается перспектива значительного угольного дефицита".

Сокращение угольных перспектив Донбасса вызвало усиленный спрос на сибирский уголь. В 1922-23 году — за пределы Сибири было вывезено 13,5 тыс. тонн каменного угля, в 1923-24 — 124 тыс. тонн, в 1924-25 году — 243 тыс. тонн, в 1925-26 году — 393 тыс. тонн. В числе потребителей сибирского угля оказался Балтийский флот и железные дороги: Казанская, Пермская, Самаро-Златоустовская, Сызрано-Вяземская и даже Москвотоп. (Спрос с запада на сибирский уголь оказался настолько значительным, что пришлось снизить наряды для Забайкальской жел. дороги).

Главным же потребителем сибирского угля оказался Урал. Для Урала вопрос снабжения его сибирским углем становится вопросом дальнейшего промышленного развития. Давно уж прошли те времена, когда уральские горнозаводчики беспечно жгли роскошные уральские леса на топливо для домен своих заводов. Собственные уральские месторождения каменного угля немногочисленны, небогаты и не разрешают общего вопроса; опыты с коксованием уральских углей пока были неудачны.

Топливный кризис, как основа общего кризиса горнозаводского Урала, был установлен давно, и еще в довоенное время возникли проекты воспользоваться прямой рельсовой связью с Сибирью, чтобы построить уральскую горную промышленность на углях Кузбасса. Проектировалось соединить Кузбасс с Уралом прямым железнодорожным путем в обход существующего... Эти проекты, в разной вариации упорно продержавшиеся до наших дней, получили наименование „Урало-Кузнецкого проекта“ или „Урало-Кузнецкой проблемы“. В наши дни Госплан обратил внимание на проект восстановления и развития горнозаводского Урала на сибирских углях. Сибкрайисполком в основу генерального плана реконструкции сибирской каменноугольной промышленности положил Урало-Кузнецкий проект.

Независимо от этого проекта, жизнь уже поставила на практическую почву снабжение современного Урала сибирским углем. В 1925 г. на Урал было вывезено из Сибири 100 тысяч тонн угля и 65 тысяч тонн кокса, в следующем 1926 году—уже 324 тысячи тонн угля и 111 тысяч тонн кокса*).

Так же, как в лесной промышленности, существующая механическая обработка древесины не покрывает всех возможностей ее использования и наиболее рентабельной оказывается дополняющая ее химическая переработка, в каменноугольной промышленности более выгодным, чем простая добыча каменного угля является изготовление кокса, отличающегося большею ценностью и транспортабельностью. Кроме того, при коксовом производстве получается ряд побочных продуктов высокой ценности: каменноугольная смола, аммиачная вода, светильный газ, разные масла и, как продукты 2 и 3-ей формации — разные анилиновые краски, взрывчатые вещества, ароматические вещества, удобрения, различные медикаменты (салициловая кислота, аспирин, нафталин, салол, фенацетин и пр. (всего из каменного угля может быть получено свыше 150 ценнейших химических продуктов). „Химические продукты коксования представляют собой настолько большую ценность, что кокс достается в виде почти бесплатного приложения. Вот почему в Германии в 1913 году почти четверть добытого угля коксировалась“ (Новомбергский**).

С 1924 г. в Кемерово (Кузнецкий окр.) работает химический завод. Завод готовит кокс для Урала. В дальнейшем предполагается параллельно с расширением коксования организовать на заводе производство удобрительных туков (с низкими ценами на них для внедрения среди населения Сиб-

*) Данные Сибкрайплана (с округл.). В цифры вывоза каменного угля включена поставка для Пермской ж. д.

**) Журн. „Жизнь Сибири“ 1927 г. № 2.

края, Казакстана и Туркестана), производство сернистых красок, пропиточных масел для шпал, каустической соды, сернистого натра и т. д.

Наряду с химическим производством на углях Кузбасса, в будущем должно развиться многостороннее химическое производство в Тулуновском округе на богхэдах Хохорейских месторождений.

Черное золото Сибкрая.

Индустриальное развитие современных стран основывается на двух моментах: 1) наличность топливных ресурсов, энергетических фондов в форме каменного угля, древесного топлива, водной энергии и 2) наличность металлических руд, в особенности руд железных, дающих высокополезный „черный металл".

На металлических рудах основана металлургическая промышленность, являющаяся наиболее типичным видом тяжелой индустрии. Развитие металлургической промышленности обычно рассматривается, как показатель технической мощи страны или района.

Сибирь, богатая каменным углем, не обделена и запасами металлических руд. Правда, запасы эти ниже, чем, например, на Урале. Но их достаточно для постановки металлургической промышленности в рамках удовлетворения местной потребности в металле. А главное — металлические руды Сибири характеризуются чрезвычайно удобным их расположением в районах залегания лучших каменных углей. В то время, как основному металлургическому центру Советского Союза — Уралу — приходится ставить выплавку чугуна и железа на привозном угле, поступающем за 2000 верст, сибирские железные руды могут получать топливо у себя под боком.

Сама по себе Сибирь с 8 миллионами населения, с сетью железных дорог, с ее городами, приисковыми районами, многомиллионным крестьянством представляет немаловажный рынок для сбыта металла и металлических изделий.

Металлургическая промышленность в Сибири существует свыше 200 лет. Но она никогда не поднималась выше рамок узко местного значения и даже в этих рамках не могла удовлетворить потребностей населения. Об'яснялось это ее характером: в двадцатый век Сибирь перешла с четырьмя железоделательными и чугунно-плавильными заводами, оборудованными чрезвычайно примитивно, до-нельзя устаревшими машинами и приспособлениями, к тому же три из них находились в стороне от железнодорожного транспорта. Кризис военных и послевоенных лет пережил только один из них

(Гурьевский), ставший подсобным предприятием при Кузбасстресте.

То обстоятельство, что Сибирь обладает великолепными и мощными месторождениями железных руд, очень удачно расположенными в непосредственной близости к каменноугольным месторождениям, да еще при том — коксующимся, не прошло мимо внимания иностранных капиталистов, и в последние довоенные годы об'единениями иностранных предпринимателей („Южгимз" и „Копикуз") была запроектирована постройка двух мощных металлургических заводов.

Война помешала осуществиться этому предположению. С национализацией предприятий, при обсуждении плана промышленного развития Сибири, снова был поднят вопрос о создании сибирской металлургии.

После долгих дискуссий, в которых приняли участие все районы Союза, — вопрос о создании в Сибири центра черной металлургии разрешен положительно.

В ближайшее время начинается постройка мощного металлургического завода на Тельбесском месторождении в южной части Кузнецкого округа. Завод проектируется с производительностью в 20 милл. пуд. чугуна с тем, чтобы в дальнейшем производительность завода поднять до 40 милл. пуд. в год. Исследованные запасы Тельбесского месторождения, определяясь в размере 1 миллиарда 750 миллионов пудов, вполне это допускают.

Тельбесский завод своей продукцией будет обслуживать громадный район, на 2000 верст удаленный от ближайшего металлургического центра (Урал). Удачное расположение рудного месторождения и топливных фондов приводит к тому, что завод даст населению Сибири металл по ценам значительно более низким, чем оно смогло бы получить из других металлургических центров.

Во вторую очередь предполагается использование железорудных месторождений Приенисейского края.

Сибирь располагает также месторождениями цветных металлов (главным образом в Минусинском крае). Делавшиеся раньше попытки эксплоатации этих месторождений в настоящее время заброшены и вряд ли будут возобновлены в ближайшие годы за бедностью самих месторождений.

В настоящее время все же серьезно обсуждается вопрос об организации в Сибкрае цветной металлургии, но не на минусинских рудах, а на полиметаллических рудах, находящихся вне территории Сибкрая (Казакстан). Подобная постановка имеет под собой почву, поскольку она базируется на идее использования кузнецкого угля при обогащении этих руд и комбинируется с химической промышленностью Сибкрая.

Использование прочих богатств сибирских недр.

Кроме разработки угля, золота и металлургических руд, сибирская горнопромышленность знает еще соляную промышленность и попытки разработки графита и слюды.

Сибирская соляная промышленность в настоящее время имеет узкоместное потребительское значение. Больших перспектив перед ней нет.

Иное дело,— графит и слюда. Неудачи в прошлом по разработке графитных и слюдяных месторождений об'яснялись плохой организацией и удаленным расположением самих месторождений. При ограниченности мировых месторождений графита и слюды, при хороших качествах сибирских месторождений и при потребности в графите и слюде для электротехнической промышленности, графитно-слюдяная промышленность в Сибкрае располагает блестящими перспективами.

Обрабатывающая промышленность Сибири.

40 лет тому назад известный сибирский публицист Н. М. Ядринцев свое исследование по истории общественности и экономики Сибири озаглавил: „Сибирь, как колония". Заглавие имело глубокий смысл и оправдание. В сфере промышленной колониальное положение Сибири проявлялось особенно ярко и выразительно.

Сибирь не могла создать развитой обрабатывающей промышленности как по недостатку капиталов (для последних более выгодным помещением была торговля), так, главным образом, по малой обеспеченности рабочими руками. Отсутствие транспорта было также существенным затруднением для организации фабрично-заводской индустрии.

В результате, крестьянский, а в значительной степени и городской рынок Сибири обходился, где мог, кустарно-промысловой и ремесленной продукцией, более же сложные фабрикаты получал из Москвы или с Урала.

Если исключить некоторые предприятия, стоящие особняком и не связанные с широким рынком (типографии в губернских городах, гранильная фабрика на Алтае и т. п.), остальная фабрично-заводская промышленность Сибири (оффициально зарегистрированная таковой) была представлена преимущественно предприятиями по обработке пищевых и животных продуктов (винокурение, пивоварение, мукомольное производство, мыловаренные заводы, пимокатные, шубно-овчинные заведения и т. д.), в меньшей степени — производствами по обработке недр и леса.

Постройка железной дороги оживила частную инициативу в сибирской промышленности, увеличила число предприятий

и занятых в них рабочих, подняла в ценностном выражении валовую продукцию сибирской промышленности и т. д. Но основное положение осталось неизмененным: сибирская промышленность и в годы максимального своего довоенного развития оказывалась не в состоянии удовлетворить местные потребности, не говоря уже о более широких задачах.

Уж на что, казалось бы, благоприятные условия были для развития в Сибири пимокатной и овчинно-шубной отрасли промышленности: и сырья достаточно, и тип промышленности кустарный, допускающий организацию дела с малым капиталом и небольшим количеством малоквалифицированных рабочих, а, между тем, ежегодно из-за Урала из Европейской России ввозилось на 40 милл. рублей теплой одежды и валеной обуви.

Обладая колоссальными запасами железных руд в непосредственной близости к мощнейшим топливным источникам, Сибирь поставила лишь 3-4 примитивно-оборудованных железоделательных завода и ежегодно ввозила с Урала железа, чугуна и железных изделий на 10 милл. рублей.

Как и сельское хозяйство, сибирская обрабатывающая промышленность пережила кризис 1921-1923 г.г. и сейчас закончила свой восстановительный процесс.

Но и этот восстановительный процесс оставил нетронутым прежнее относительное положение обрабатывающей промышленности в общей сибирской экономике.

Попрежнему с обрабатывающей промышленностью фабрично-заводского типа конкурирует промышленность кустарно-ремесленного характера. Попрежнему сибирская промышленность, беря ее в целом, т. е. об'единяя фабрично-заводскую („цензовую") и мелкую, кустарно-ремесленную промышленность, не в состоянии охватить сибирский потребительский рынок.

Спрос сибирского населения на промышленные товары покрывается местною цензовою промышленностью на 10% мелкою и кустарною промышленностью на 23%, в остальной же части (т. е. на 67% или на $^2/_3$) этот спрос покрывается ввозом товаров из промышленных районов Союза и через посредство импортных операций (Северный Морской Путь). Мало того—даже и ввоз из-за границы и других районов Союза не покрывает полностью спроса местного населения на ряд промышленных товаров.

„Несмотря на развертывание сибирской промышленности и увеличение ввоза продукции центральной промышленности, все же в 1925-26 гг. местный рынок в отношении некоторых товаров испытывал недоснабжение. Это, главным образом, относится к мануфактуре, спрос на которую удовлетворялся в раз-

мерах 80%, затем к продукции металлической промышленности и кожевенным товарам. В отношении металла сибирский рынок был удовлетворен лишь в размере 65% спроса, а кожтоварами — 56%"*).

Попрежнему сибирский потребитель при получении из Европейской части Союза переплачивает на фрахте и разных накладных расходах торговым организациям-посредникам. Яркий пример подобного переплачивания дает сопоставление реальной стоимости с.-х. машин в Харькове и в Сибири: в феврале 1927 г. за косилку харьковский крестьянин платил 95,5 пуд. пшеницы, бийский за ту же косилку южно-русского сельмаша платил 250 пуд. пшеницы, ачинский — 241 пуд. и минусинский — 372 пуда; за жатку в Харькове надо было уплатить 102 пуд. пшеницы, в Бийске—245, в Ачинске — 270 и в Минусинске — 384.

Правда, это невероятное соотношение цен об'ясняется крайне низкими ценами на пшеницу в Сибири сравнительно с Украиной,— в денежном выражении, в червонном рубле, разница будет не так ощутительна. Но факт остается фактом. Реальных ценностей сибирский крестьянин должен отдать за промфабрикат значительно в большем количестве, чем его российский собрат...

Попрежнему остается незначительным удельный вес сибирской промышленности в общесоюзной. Мы приводили уже некоторые цифры, характеризующие соотношение между сибирской и союзной индустрией (2,6% к общесоюзной валовой промышленной продукции, 0,2% к общему количеству рабочих в союзной цензовой промышленности). Приведем еще несколько цифр, характеризующих удельный вес главнейших видов выпускаемой в Сибкрае продукции сравнительно со всем СССР: спички—3,7%, пиленый лес—2,9%, цемент—1,5%, стекло—3,0%, фарфор, фаянс—2,9%, масло растительное—1,4% (данные 1925-26 г.).

Попрежнему оси обрабатывающей сибирской промышленности вертятся около сельского хозяйства. Сельское хозяйство или дает ей своим сырьем базу для производства, или своим спросом на промпродукцию вызывает к жизни самое производство.

На сел.-хозяйств. сырье основаны мукомольное, винокуренное, пивоваренное, махорочное, льнопрядильное, суконное, пимокатное, овчино-шубное, кожевенное производства. На потребностях сельского хозяйства основана металло-обрабатывающая промышленность, связанная, главным образом, с сельско-хозяйственным машиностроением.

*) „Сиб. промышленность", изд. СКСНХ—Новосибирск. 1927 г.

Кроме перечисленных, в ряду отраслей сибирской обрабатывающей промышленности мы находим производства, связанные с эксплоатацией лесных богатств (дерево-обрабатывающая промышленность) и недр (цементно-строительная, фарфоро-фаянсовая, стекольная).

Все названные отрасли обрабатывающей промышленности на территории Сибирского края представляют собою слабо механизированные фабрично-заводские предприятия с ограниченным числом рабочих, с относительно небольшой средней величиною продукции.

Настоящая промышленность основана на паровом двигателе. Между тем, если даже подойти к паросиловому хозяйству сибирской промышленности с точки зрения довоенных российских требований, каковые определяли срок службы котлов в 25 лет (против 10-12 лет в странах с высокоразвитой техникой), то и в таком случае оказывается, что по данным на I/X-1926 г. из 110 паровых котлов трестированной сибирской промышленности (а трестированы были лишь лучшие предприятия) по возрасту и по износу должны выбыть 66 котлов, или 60% от общего количества котлов; в окружной промышленности из 249 котлов должны выйти из строя 112 котлов, или 45%; через 5 лет из всей местной промышленности должны выбыть из строя 226 котлов за их устарелостью и изношенностью...

Тоже приходиться сказать и о паровых машинах. Средний механический износ паровых машин в трестированной и окружной промышленности составляет 40%, доходя в отдельных случаях до 50%. „Что касается морального износа,—добавляет к приведенным цифрам Сибкрайсовнархоз,— то о нем нам говорить не приходится. Машин новых, более совершенных реконструкций, тресты почти не имеют, и расход пара на силу — час доходит до 15-20 кгр.,—тогда как современные машины расходуют от 4 до 7 кгр.“

В ближайшие годы очередною задачею по отношению к обрабатывающее сибирской промышленности является укрепление уже существующих отраслей, беря курс не столько на создание новых предприятий, сколько на переоборудование существующих. Но в отдельных случаях придется прямо закрывать существующие промпредприятия и взамен их строить новые.

К вопросу о сибирской индустрии можно подходить не только с точки зрения интересов сибирского потребительского рынка. Индустрия основана не только на спросе со стороны преимущественно обслуживаемого ею района и не только на сырье района, в котором она имеет обоснование. Базою крупной и средней промышленности является прежде

всего топливо, как двигатель. В „век пара и электричества“ до известной степени стирается вопрос о транспортировании фабрикатов от производителя до потребителя.

Сибирь поставлена в чрезвычайно благоприятные условия относительно топлива. Богатейшие месторождения каменного угля под боком. В таком же благоприятном положении она находится и с точки зрения использования водной энергии („белый уголь“).

Возникает вопрос — не является ли целесообразным использовать это обстоятельство и на сибирском угле поставить производства, получающие сырье за пределами Сибири? Этот вопрос особенно ярко выражается в постановке проблемы насаждения в Сибири хлопчато-бумажной промышленности.

Вопрос этот не новый, встал еще в довоенное время и сейчас снова приобрел актуальность в связи с постройкой Туркестано-Сибирской магистрали.

„Решение правительства провести Туркестано-Сибирскую дорогу ставит вопрос о вовлечении продукции туркестанского хозяйства в хозяйственный оборот Сибири. В сторону Туркестана из Сибири двинется лес, отчасти уголь, скот и хлеб. Навстречу целесообразно будет направлен хлопок“*).

Сибирь, располагая дешевым топливом, по транспортным условиям будет иметь наиболее дешевый средне-азиатский хлопок, обилие местных красителей и других химпродуктов в результате химической промышленности Кузбасса и наиболее дешевое продовольствие для рабочих. В то же время для сбыта тканей сама по себе Сибирь (даже без смежных областей) представляет достаточно емкий рынок.

Индустриализация сибирского сельского хозяйства.

Мы отмечали уже, что удельный вес современной сельско-хозяйственной продукции Сибирского края значительно превышает в общей краевой экономике относительное значение продукции сибирской промышленности (во всех ее видах), что экспорт Сибири, как ни мал он относительно в общей массе общесоюзного экспорта, складывается почти исключительно из сельско-хозяйственной продукции в различных ее видах.

В внутренних торговых оборотах с другими частями Союза роль и значение с.-х. продукции выступает не менее ярко. Здесь лишь уголь может конкурировать с маслом и хлебом по размерам, ценностному выражению и пр.

*) Н. Н. „Основные предпосылки к составлению генерального плана“.

Заготовки и экспорт продукции сельского хозяйства в сибирской экономике приобретают весьма крупное значение не только в свете сегодняшнего дня, но и в перспективном освещении путей сибирского хозяйства.

Подходя так к заготовкам и экспорту продукции сибирского сельского хозяйства (беря экспорт в широком смысле, т. е. не только заграничный, но и вообще за пределы Сибкрая), мы должны прежде всего констатировать, что вопрос о сибирском экспорте упирается в проблему индустриализации сибирского сельского хозяйства.

Два года тому назад один из сибирских экономистов высказывал опасение, что „среди забот по созданию крупной индустрии проблема индустриализации сельского хозяйства может показаться не настолько важной и назревшей, чтобы ее разрешить одновременно“*). Недавно утвержденный Сибкрайисполкомом генеральный план реконструкции сибирского народного хозяйства ликвидирует подобные опасения, так как в нем проблеме индустриализации сибирского сельского хозяйства уделено достаточно видное место.

Индустриализация сельского хозяйства прежде всего должна пойти по линии рационализации маслодельного производства. В свое время много писали о „сказочном расцвете“ сибирского маслоделия. Действительно, промышленное маслоделие в Сибири создалось и развивалась с настоящей американской быстротой. В 1894 году в Сибири было всего 2 маслодельных завода, к концу довоенного периода общая численность маслозаводов по Сибири превышала 3000. По Сибирской железной дороге было вывезено масла из Сибири в 1894 году 400 пудов, в 1907—2013 тыс. пудов, в 1913 г.— 4975 тыс. пудов (брутто).

Но маслодельная промышленность Сибири, развиваясь, была и остается чисто кустарной. По данным 1926 года, 88% маслозаводов на территории Сибкрая применяло ручную силу, 5,9% — конно-ручную, 6% — конную и только 0,8% (20 маслозаводов) пользуются паровой и водной двигательной силой.

Кустарный характер маслозаводов, низкий технический состав, обслуживающий эти заводы, плохая упаковка (тара), недостаточное оборудование транспорта холодильными приспособлениями — уже в довоенное время приводили к тому, что на мировом рынке (Лондон) разница в цене на сибирское и датское масло выражалась в 2-4 рубля на пуд.

За годы империалистической и гражданской войны, за период острого кризиса сельского хозяйства и животноводства

*) Статья Генделева в сборн. „Будущее Сибири“.

в частности, положение маслоделия ухудшилось еще более. Нас попрежнему охотно принимают с маслом на мировом рынке, так как спрос на масло, среднедушевое потребление в Европе, беспрерывно растет. И также попрежнему нам не доплачивают на масле.

Очевидно, рационализация, или что то же — индустриализация сибирского маслоделия становится актуальнейшей проблемой для сибирского хозяйства ближайших лет.

Прежде всего необходимо перестроить существующую сеть маслозаводов. В 1926 г. на территории Сибкрая насчитывалось всего 2863 маслозавода.

Перестройка сети маслозаводов должна пойти по пути, с одной стороны, укрупнения их и с другой — постепенной механизации.

Одновременно с перестройкою заводов должна идти рационализация молочно-коровного хозяйства в сибирском крестьянстве и мероприятия по обеспечению продвижения масла от заводов до заграничного потребителя.

Маслоделие своим бурным ростом совершенно заслонило в Сибири возможность развития родственной ему производственной отрасли — сыроварения. По существу, при правильной широкой постановке, сыроварение не менее рентабельно, чем маслоделие. Между тем на 3000 маслозаводов Сибкрая в 1927 г. было всего 111 сыроваренных заведений с производительностью всего лишь 95.000 пудов.

Сыроварение, как особая промышленная отрасль, развилось за последние 20 лет в Бийском округе. Кроме того, в разбросанном виде оно сложилось в некоторых пунктах по линии Сибирской железной дороги. Сыроварение так же, как и маслоделие, может иметь экспортное назначение. Но главным рынком его продукции для ближайшего времени, очевидно, будет город.

Второе место в ряду мероприятий по индустриализации сельского хозяйства Сибкрая занимает оборудование железно-дорожных и водных путей элеваторами, хладобойнями, маслохранилищами и рационализация мясопромышленности, рыбопромышленности, создание бэконного производства.

Вывоз мяса из Сибири быстро развивался в довоенное время после окончания постройки Сибирской железной дороги, при чем основными потребителями сибирского мяса были две столицы — Москва и Петербург. Тем не менее размеры вывоза не соответствовали огромным возможностям. Об'яснялось это плохой постановкой боенного дела в Сибири, дороговизною перевозки живого скота, необходимостью сосредоточивать забойку мяса в зимние месяцы, что затем форсиро-

вало отправку мяса и тем самым понижало его рыночную ценность.

Ряд районов Сибири (Ойротия, Хакасия) на долгие годы сохранят мясной уклон животноводства.

Учитывая это, необходимо принять ряд мер по организации боенного дела, увеличению пропускной способности существующих мясохладобоен и постройки новых. Расширение сети мясохладобоен не только увеличит мясоэкспорт в чистом его виде, но также даст возможность рационально использовать различные боенные продукты и отбросы.

Мясохладобойни являются лишь первым шагом в организации мясопромышленности. Второй шаг — создание консервных заводов, которые еще более расширят рынок сбыта сибирской мясопродукции. В такой же степени расширят сбыт рыбопромышленности — рыбоконсервные заводы. Создание последних в таких районах, как Нарымский и Туруханский край, является неотложным и первоочередным делом.

Мы видели, как быстро восстанавливается сибирское свиноводство. Бурный темп его развития предполагается сохранить и далее. Свиноводство дает основание весьма крупной и значительной отрасли мясопромышленности — бэконному производству. Бэконное производство в Сибири начало создаваться в последние довоенные годы. Война помешала делу, которое имело все данные для развития, так как мировой рынок (главным образом английский) пред'являл большой спрос на свинину высоких сортов.

В настоящее время вопросам организации бэконной промышленности в Сибири уделяется большое внимание, так как само по себе свиноводство по условиям своего развития связано с маслоделием, занимающим такое видное место в общей сибирской экономике.

Сибирское льноводство имеет огромные перспективы. Вывоз льна за пределы Сибири начался еще в довоенное время и сейчас идет для союзной текстильной промышленности, а также частично входит в состав нашего заграничного экспорта.

Кон'юнктура мирового рынка для сибирских культур, в частности, для льняного волокна, весьма благоприятна. Природные свойства сибирского льна общепризнаны. И тем не менее, со льном повторяется та же история, что и с другими видами сибирского сырья.

Очевидно, и в области наших технических культур мы стоим перед необходимостью ряда индустриализационных мероприятий. Эти мероприятия выражаются в устройстве: 1) семяноочистительных установок, 2) заводов тепловой мочки и

механической обработки льняной тресты, 3) льнообделочных пунктов, 4) волокночесальных установок, 5) применения усовершенствованных машин, ослабляющих трудоемкость культуры (льнодергалок).

Наконец, в ряду индустриализационных мероприятий в области сибирского сельского хозяйства должны иметь место предприятия по предварительной обработке шерсти, волоса, щетины.

Вопросы электрификации.

Серьезная постановка вопросов индустриализации в наше время немыслима без одновременной постановки вопросов электрификации. Дореволюционное время оставило Сибири весьма малое по размерам и слабо налаженное в техническом отношении электрохозяйство. Пользование электроэнергией было приурочено только к крупным городам и сводилось преимущественно к использованию электричества в целях освещения. В городах источники электроснабжения были размельчены: так, Томск и сейчас имеет 38 электроустановок, Омск—18, Новосибирск—15. Промышленность использовала электрическую энергию, как двигатель, в городах лишь частично. Из промышленных центров более крупное использование электроэнергии имеется в районе Ленской золотопромышленности (гидроустановки 2800 киловат) и в Кемеровском каменноугольном районе.

В ближайшие годы по темпу развития сибирской промышленности, разбросанной по различным районам и населенным пунктам, весьма удаленным друг от друга, нельзя ожидать значительного ее электрифицирования. Только в таких мощных отраслях промышленности, как угледобывающая и золотодобывающая, сосредоточенных в территориально ограниченных рамках, можно ожидать успехов электрификации. В госплановскую схему электрификаци Союза в числе первоочередных районных мощных электроцентралей вошла электроцентраль Кузбасса.

Создание мощной районной электроцентрали требует больших средств и связано с известной концентрацией промышленности. В условиях Сибири можно и должно говорить также об электрификации иного типа: в Сибири должно быть всемерно распространено электрифицирование сельских местностей посредством небольших гидроустановок. На такой мелкой электрификации может развиться целый ряд отраслей сибирской обрабатывающей промышленности—маслодельная, по обработке других видов сельско-хозяйственного сырья и т. д.

Биб-ка Рыбохоз. станции

Основная современная литература по хозяйству Сибирского края*).

„*Экономическая география Сибири*". Издание Сибкрайиздата. Новосибирск, 1928 год, цена 2 руб. 25 коп., стр. 303.

„*Сибирь и Дальний Восток*". Москва, 1926 год. Изд. ВСНХ, цена 8 руб., стр. 617.

„*Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926-27 год*". Новосибирск, 1926 года. Изд. Сибкрайисполкома, цена 1 руб. 25 коп., стр. 145.

„*Сельское хозяйство Сибирского края*". Материалы к составлению перспективного плана сельского хозяйства. Новониколаевск 1925 г., цена 5 руб. 50 коп., 2 тома, стр. 258 + 534.

„*Сельское хозяйство Сибирского края*". Новосибирск, 1927 года. Издание журнала „В Помощь Земледельцу", цена 45 коп., стр. 96.

„*Лесное хозяйство Сибирского края*". Новосибирск, 1926 г. Изд. Сибкрайземуправления, цена 3 р., стр. 256.

Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Сельское Хозяйство". Том 1-й. Новосибирск, 1927 год. Издание Сибкрайстатотдела, цена 3 руб., стр. 476.

„*Итоги 10%-ной выборочной с.-х. переписи 1926 г.*". Новосибирск, 1926 г. Изд. Сибкрайстатотдела, цена 1 р. 25 к., стр. XLII—183.

„*Сибирская Промышленность*". Новосибирск, 1927 г., изд. Сибкрайсовнархоза, ц. 75 к., стр. 90.

„*Основные положения генерального плана реконструкций народного хоз. Сибирского края*". (1926-27—1940-41 г. г.). Новосибирск, 1927 г., изд. Сибкрайплана, ц. 1 р., стр. 132.

Болдырев и Гуринович —„*Районированная Сибирь*". Новосибирск, 1927 г. изд. Сибкрайиздата (втор. испр. и дополн.), цена 80 к., стр. 94.

„*Труды Первого Сибирского Краевого Научно-Исследовательского С'езда*". Новосибирск, 1927-28 г., изд. Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Том I, стр. 272, ц. 1 р. 50 к. (том II и III печат.).

„*Будущее Сибири*". Сборник статей. Новосибирск, 1926 г., изд. Сибкрайиздата, ц. 1 р. 25 к., страниц 136.

„*Экономический обзор Томского округа*". Томск, 1927 г., изд. Окрисполкома, ц. 2 р. 55 к., стр. 253.

„*Барнаульский округ*". Статистико-экономический обзор. Барнаул, 1927 г., изд. Окрисполкома, ц. 3 р., стр. 327.

„*Проблемы капитального строительства в Восточной Сибири*". Иркутск, 1926 г., изд. Губплана, три выпуска, стр. 197+193+74, цена 1 р. 50 к.+2 р.+1 р.

Периодические издания.

„*Жизнь Сибири*". Изд. Сибкрайисполкома, Новосибирск, ц. 12 р. в год.

„*Северная Азия*". Москва. Изд. Общества Изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, ц. 7 р. 50 к.

„*Бюллетени Сибкрайстатотдела*". Новосибирск.

*) В предлагаемом вниманию читателя кратком списке указана лишь та литература, которую он может приобрести на книжном рынке.

СОДЕРЖАНИЕ.

Гл. 1. **Сибирь наших дней.**

Стр.

Районирование Сибири. Сибкрай и округа, как хозяйственные единицы. Города Сибири — ее лицо в прошлом и настоящем 5

Гл. 2. **Основные проблемы народного хозяйства Сибири.**

Колонизация. Транспорт. Процессы обобществления. Плановорегулирующее начало в хозяйстве Сибкрая. 18

Гл. 3. **Сельско-хозяйственный уклон сибирской экономики.**

Сельско-хозяйственный уклон сибирской экономики. Сельско-хозяйственная территория Сибирского края. Кризис сельского хозяйства в Сибири. Пути дальнейшего развития сибирского сельского хозяйства. Рыболовство и охота, их кризис и пути выхода. 33

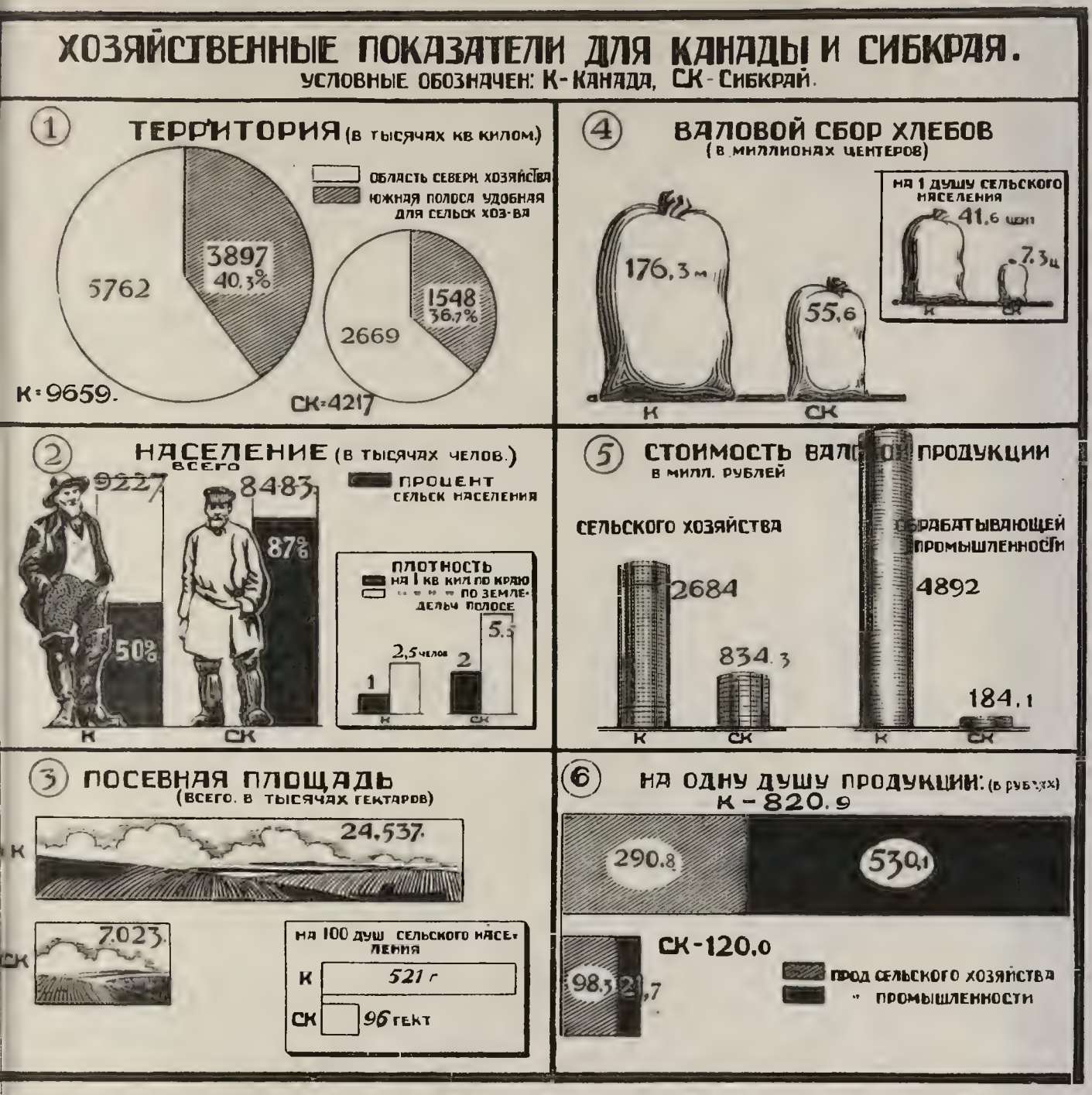
Гл. 4. **Поворот к индустриализации.**

Значение индустриализации для Сибкрая. „Зеленый уголь“ Сибири. Сибирь — „золотое дно“. Сибирь — „Советский Рур“. Черное золото Сибкрая. Использование прочих богатств сибирских недр. Обрабатывающая промышленность в Сибири. Индустриализация сибирского сельского хозяйства. Вопросы электрификации. . . 52

Основная современная литература по хозяйству Сибирского края 75

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ КАНАДЫ И СИБКРАЯ.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕН: К - Канада, СК - Сибкрай.



Цифры для Канады даны по статье Попова в «Современной Азии» 1927 г. № 3 и относятся к 1925 году. По Сибкраю взяты из контрольных цифр Сибкрая на 1925/26 г. («Жизнь Сибири» 1927 г. № 9-10, стр. 145) и из отчета Сибкрайисполкома 2-му Краевому С'езду Советов (Новосиб. 1927 г.). Русские меры переведены в метрические, а доллары—в рубли из расчета 1 доллар=2 рублям.

6

073242011
Государственная библиотека Югры

РНФ
Государственная библиотека Югры